

№
556

Священникъ Сергій Соколовъ. С. А.

ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ
ВѢРИТЬ

ВЪ ИСУСА ХРИСТА,
какъ Бога?

РЯЗАНЬ.
Типографія Братства Св. Василія.
1911.

Р 110
556

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
16521-95

98 К5
Дорогему Валентину Дмитриевичу
Селезовинову - на память.
Вм. С. Селезову.
10 авг. 1910.

Почему мы должны вѣрить въ Иисуса Христа, какъ Бога? ¹⁾

Какъ бы ни былъ человѣкъ далекъ отъ христіанской вѣры, отъ религіи вообще, все же онъ не можетъ совсѣмъ закрыть глаза на эту вѣру. Вѣдь нельзя же закрыть глаза на то, что въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ миллионы людей вѣрили во Христа, какъ Бога, молились Ему, ради Него шли на кресты, костры, на мученія, покорно преклоняли головы свои подъ удары мечей. Нельзя закрыть глаза на то, что и теперь миллионы людей молятся Христу, плачутъ предъ Его крестомъ, съ молитвою къ Нему умираютъ. Впрочемъ, если нѣкоторые какъ будто и закрываютъ глаза на все это, то поступаютъ такъ очень часто не въ силу какихъ-нибудь продуманныхъ рѣшеній, а—просто потому, что ужъ очень все это привычно, очень примелькалось. Звонять колокола и утромъ, и вечеромъ, люди идутъ въ церковь, идутъ изъ церкви, говѣютъ, постятся, зажигаютъ лампадки, вѣнчаются, хоронятъ покойниковъ... Давно все такъ было, есть теперь, такъ оно и будетъ. И никому изъ тѣхъ, кто всѣмъ строенъ своей жизни удалились отъ церковнаго быта, пожалуй, и въ голову не придетъ спросить себя: „почему же это люди молятся дома и въ церкви, почитаютъ праздники и соблюдаютъ посты, а я ничего этого не дѣлаю?“ А если бы у кого-нибудь изъ этихъ людей и возникъ такой вопросъ, то, кажется, сейчасъ же былъ бы готовъ на него и отвѣтъ. „У тѣхъ людей, которые исполняютъ весь церковный обиходъ, очевидно, есть досугъ,—ну, и пусть себѣ молятся и постятся. А тутъ вѣдь служба: въ канцеляріи, въ палатѣ, въ судѣ, въ присутствіи, въ управѣ, въ школѣ.. Вечеромъ засѣданія въ комитетахъ и комиссіяхъ. Вездѣ вороха дѣлъ и бумагъ. Нужно же вѣдь и газету пробѣжать, нельзя жѣ

¹⁾ Читано въ г. Рязани, въ помѣщеніи Всесловнаго Собранія въ Вербное Воскресенье, 11 апрѣля 1910 года.

Центральный книгообменный фонд
при Студенческомъ Советѣ
Государственной Библиотеки
им. С. И. Давыдова

и отъ литературы отставать. А тамъ новую пьесу поставили или знаменитость прѣѣхала: нужно все это посмотрѣть и послушать. И такимъ порядкомъ жизнь себѣ идетъ и идетъ... И знаютъ эти люди только, что, когда идетъ крестный ходъ, нужно шапку снять,—когда въ праздникъ придутъ духовные и пропоютъ, нужно сунуть имъ въ руку,—когда умретъ кто изъ знакомыхъ, нужно, кромѣ возложенія вѣнка, являться на панихиды и опускаться на колѣна при пѣніи „Со святыми упокой“ и „Вѣчной памяти“,—а въ церкви достаточно побыть разъ въ году, за свѣтлой заутреней, до начала христосованья. Но представьте, что вдругъ бы замолкли всѣ колокола, были бы заперты всѣ церкви.. Вѣдь встрепенулись бы и эти люди и даже испугались бы: „а почему же не звонятъ колокола? почему люди не идутъ въ церкви?“.. Показалось бы это необычнымъ и даже зловѣщимъ. Или вотъ, занесла человѣка судьба на далекія и чужія поля Манчжуріи. Проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы... Наступаетъ Страстная недѣля, Пасха... Человѣкъ, равнодушно относившійся ко всему церковному гдѣ-нибудь въ Арзамасѣ или Калязинѣ, тутъ, около какого-нибудь Куан—чен—цзы или Сан-дя-пу, тоскуетъ, скучаетъ: „эхъ, и колокольного звона не слышно, хоть бы гдѣ-нибудь прозвучалъ этотъ родной звонъ“... А то представьте, что человѣкъ попалъ въ Америку, въ какой-нибудь Чикаго. Жизнь тамъ кипитъ, несетъ бурнымъ потокомъ. Волны народу по улицамъ, экипажи, автомобили, трамваи..., поѣзда ходятъ и по домамъ, и подъ землею. Оглушить можетъ человѣка весь этотъ шумъ и грохотъ. И всѣ вокругъ чужіе... Но вдругъ... человѣкъ, среди огромныхъ домовъ, встрѣчаетъ маленькую русскую церковку съ крестами, колоколами. Внутри знакомая съ дѣтства обстановка: иконостасъ, царскія врата съ завѣсой, лампы, свѣчи, родные напѣвы... Не содрогнется ли сердце этого человѣка? не запроситъ ли оно молитвы, родныхъ напѣвовъ подъ сводами родной православной церкви?..

Но,—въ то время, какъ простые сердцемъ люди, которыхъ Спаситель сравниваетъ съ дѣтьми, вѣруютъ въ Него, какъ Бога, молятся Ему, ибо съ молокомъ матери впитали въ себя эту вѣру, а другіе равнодушны къ вѣрѣ, всѣмъ своимъ привычнымъ укладомъ жизни отдалившись отъ нея и Церкви,—люди мыслящіе желаютъ разобраться въ своей вѣрѣ. Одни изъ этихъ послѣднихъ людей рѣшаютъ, что вѣра въ Иисуса Христа, какъ Бога, немислима для нихъ. Въ самомъ дѣлѣ,—разсуждаютъ они,—кто же изъ обра-

зованныхъ людей можетъ вѣрить, на примѣръ, въ чудеса Христа!?. Иисусъ Христосъ остается для нихъ только великимъ учителемъ нравственности, пострадавшимъ и умершимъ за свои убѣжденія, но не воскресшимъ изъ мертвыхъ, какъ это съ умиленіемъ исповѣдуютъ вѣрующіе хрістіане. Они успокоиваются на той мысли, что для нравственной жизни вѣра въ божество Иисуса Христа совсѣмъ ненужна. Другіе же не въ силахъ разстаться съ вѣрой въ божество Иисуса Христа. Но отрицательныя вѣянія носятся въ воздухѣ и не могутъ не беспокоить ихъ. И они мучатся, страдаютъ, ищутъ, на чемъ бы обосновать свою вѣру.

Вопросъ о томъ, есть ли Иисусъ Христосъ—Сынъ Божій и Богъ или простой человѣкъ,—первый и главный вопросъ хрістіанства. Если Христосъ—Сынъ Божій и Богъ, то хрістіанство есть единая истинная религія; если Онъ—простой человѣкъ, то нѣтъ смысла въ хрістіанствѣ. Положительное рѣшеніе этого вопроса, т. е.—въ томъ смыслѣ, что Иисусъ Христосъ есть не простой человѣкъ, а—Богъ, пусть покажетъ, что не заблуждались и не заблуждаются хрістіане, исповѣдовавшіе и исповѣдующіе Иисуса Христа Богомъ; людей, не утратившихъ вѣры въ Него, но смущаемыхъ всякими отрицательными ученіями, пусть утвердитъ и успокоитъ; а людей холодныхъ, равнодушныхъ и невѣрующихъ пусть сдѣлаетъ безотвѣтными.

I.

Много было на свѣтѣ великихъ людей, и ихъ имена не забыто человечество. Но было ли и есть ли такое имя, которое люди помнили бы и знали бы, какъ помнятъ и знаютъ имя Иисуса Христа?! Иисусъ изъ Назарета не былъ царемъ, создавшимъ какое-либо славное государство, не былъ знаменитымъ полководцемъ, не трудился для науки, не написалъ ни одного сочиненія, не написалъ ни одной картины... Онъ родился въ неизвѣстности, прожилъ на землѣ очень мало—только 33 года—и умеръ, какъ преступникъ,—распятый на крестѣ. И однакоже, ничей день рожденія и ничей день смерти не почитались и не почитаются, какъ день рожденія и день смерти Иисуса изъ Назарета. День Его рожденія сталъ всемірнымъ событіемъ, и отъ него люди стали вести лѣтосчисленіе.

Кто же—этотъ Иисусъ изъ Назарета?

Человѣкъ можетъ во всемъ сомнѣваться. Былъ ли вообще Христосъ на свѣтѣ? есть ли Онъ—историческая личность, или Его совсѣмъ не было? Утверждать, что Иисуса Христа совсѣмъ не было на свѣтѣ, не рѣшаются самые отъявленные враги христіанства. Что Иисусъ Христосъ дѣйствительно былъ, объ этомъ свидѣлствуютъ писатели и историки не только христіанскіе, но и языческіе и еврейскіе. Такъ, римскій историкъ Тацитъ (род. въ 1 в. по Р. Х.) въ своей лѣтописи говоритъ о христіанахъ, что ихъ ненавидятъ всѣ и подозрѣваютъ въ ужасныхъ преступленіяхъ *), а основателемъ этой,—какъ онъ называетъ,—секты былъ нѣкто Христосъ, Который въ царствованіе Тиверія, при прокураторѣ Понтіи Пилатѣ, былъ въ Иерусалимѣ преданъ смертной казни. Въ началѣ II в. проконсулъ Малой Азіи Плиній младшій доносилъ императору Траяну, что христіане собираются въ опредѣленные дни, поклоняются Христу, какъ Богу, и клятвенно обязываютъ другъ друга никогда не обманывать, не красть и не совершать прелюбодѣяній. О Христѣ, какъ исторической личности, говоритъ заклятый врагъ христіанства Цельсъ (II в.). Иосифъ Флавій, іудейскій историкъ (род. въ I в.), очевидецъ, участникъ и описатель знаменитой іудейской войны, въ своемъ сочиненіи „Иудейскія древности“ такъ говоритъ объ Иисусѣ Христѣ: „Около этого времени жилъ Иисусъ, мудрый человѣкъ, если нельзя иначе назвать Его, какъ только человѣкъ: ибо Онъ совершилъ дѣла чудныя, училъ тѣхъ, которые съ охотою приѣмлютъ истину. Онъ приобрѣлъ Себѣ много послѣдователей, какъ изъ іудеевъ, такъ и изъ язычниковъ. Онъ былъ Мессія (Христосъ). Не смотря на крестную смерть, на которую Пилатъ, по требованію старѣйшинъ народа, осудилъ Его, первые ученики Его не оставили прежней къ Нему любви. Онъ явился имъ живымъ три дня спустя послѣ Своей смерти, какъ предсказали пророки объ этомъ и о другихъ чудесахъ Его жизни, и до сего дня послѣдователи Его продолжаютъ существовать подъ именемъ христіанъ, которое они имѣютъ отъ Него“. Говоритъ объ Иисусѣ Христѣ и самъ Талмудъ и даже о чудесахъ Его, хотя и объясняетъ ихъ дѣйствіемъ злого духа. Впрочемъ, если бы даже ни одинъ историкъ, ни одинъ писатель ни словомъ не упоминали объ Иисусѣ

*) Про христіанъ ходили нелѣпые слухи, что они на своихъ ночныхъ собраніяхъ пьютъ человѣческую кровь, т. е. рѣчь, очевидно, идетъ о таинствѣ св. Причащенія.

Христѣ, какъ исторической личности, о томъ, что Христосъ былъ и жилъ на землѣ, немолчно говоритъ существованіе Его Церкви. Послѣдователи Его, появившись на землѣ сначала въ видѣ малаго стада (Лк. 12, 32) и въ первый разъ въ Антиохіи названные „христіанами“ (Дѣян. 11, 26), распространились по всему міру и наслѣдовали землю (Мѡ. 5, 5), существуютъ теперь во всѣхъ концахъ свѣта и будутъ существовать до скончанія міра.

II.

Но мы имѣемъ объ Иисусѣ Христѣ не такія краткія и отрывочныя свѣдѣнія, какъ у названныхъ писателей и историковъ. Мы знаемъ о Немъ изъ нашихъ евангелій. Въ нихъ подробно описаны: родословіе Иисуса Христа, рожденіе Его отъ Дѣвы, вся Его жизнь, Его дивное и великое ученіе, чудеса, Его страданія, смерть, погребеніе, воскресеніе и вознесеніе на небо.

Итакъ, предъ нами—нашъ Спаситель, какимъ Его изображаютъ наши евангелія. Но какъ относиться къ евангеліямъ? Возможно ли смотрѣть на евангелія, какъ на историческій памятникъ, въ которомъ нужно все принимать, отъ начала до конца? Указываютъ на то, что самая древнѣйшая изъ рукописей Евангелія, дошедшихъ до насъ, относится къ половинѣ IV-го вѣка, такъ что 2½ вѣка отдѣляетъ ее отъ того времени, когда скончался послѣдній очевидецъ земной жизни Иисуса Христа и составитель четвертаго евангелія—св. Іоаннъ Богословъ. Но посмотримъ, какъ дѣло обстоитъ съ тѣми древнѣйшими памятниками письменности, на счетъ которыхъ у людей ученыхъ нѣтъ никакихъ сомнѣній. Эсхиль жилъ за 500 лѣтъ до Рождества Христова, а древнѣйшія рукописи его сочиненій относятся къ XI вѣку по Рожд. Хр., такъ что цѣлыхъ 1500 лѣтъ отдѣляютъ памятники произведеній Эсхила отъ него самого. Для памятниковъ произведеній другихъ древнихъ писателей подобныя промежутки тоже очень значительны: для сочиненій Вергилія—около 300 лѣтъ, Тита Ливія—400 лѣтъ, Горація—900 лѣтъ, Тацита—750 лѣтъ. И никого изъ ученыхъ не смущаютъ такіе огромные промежутки, и никто изъ нихъ не сомнѣвается въ подлинности произведеній этихъ древнихъ писателей! Ясно, что, по сравненію съ указанными памятниками, промежутокъ лѣтъ для евангельской рукописи нужно признать весьма незначительнымъ. Жестокіе гонители христіанъ, императоры Декій и Діоклитіанъ издавали нарочитыя

предписанія отыскивать и уничтожать книги и рукописи христіанъ, и, конечно, очень трудно было христіанамъ во время гоненій скрывать объемистыя рукописи на пергаментѣ.

Имѣются неопровержимыя свидѣтельства о томъ, что наши евангелія существовали и обращались среди христіанъ и гораздо ранѣе того времени, къ которому относится первая евангельская рукопись, сохранившаяся до нашихъ дней. До насъ дошли сочиненія писателей I-го и II-го вѣковъ по Р. Хр., въ подлинности которыхъ наука не сомнѣвается. Въ этихъ сочиненіяхъ встрѣчаются или выдержки изъ нашихъ евангелій или ссылки на нихъ. Одни изъ писателей этихъ сочиненій—такъ называемые мужи апостольскіе, т. е. непосредственные ученики апостоловъ; другіе—большою частію бывшіе язычники, принявшіе христіанскую вѣру въ зрѣломъ возрастѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ; третьи, наконецъ,—еретикъ и враги христіанства. Изъ друзей и поклонниковъ христіанства достаточно указать на св. Іустина—мученика и философа. Въ одномъ своемъ сочиненіи онъ говоритъ о себѣ, что, будучи язычникомъ, онъ изучилъ всю языческую философію; но это изученіе не давало ему отвѣта на мучившіе его вопросы о Богѣ, о душѣ и ея безсмертіи, о будущей жизни, пока, по совѣту одного старца, онъ не сталъ изучать всего, что написано объ Іисусѣ Христѣ въ Ветхомъ и особенно Новомъ Завѣтахъ. Это послѣднее изученіе утолило его духовную жажду. Іустинъ крестился около 137 года по Р. Хр., сталъ странствовать по всей Римской имперіи, проповѣдуя Христа, пока не былъ обезглавленъ за отказъ принести жертву богамъ. Можно, конечно, представить себѣ, что люди, подобные св. Іустину, изучившіе всю языческую философію и науку и вносящіе тѣ же научныя приемы и въ изученіе писаній объ Іисусѣ Христѣ, если дѣлались христіанами, то не иначе, какъ убѣдившись въ подлинности и достовѣрности этихъ писаній. А одинъ языческій философъ II в. (Аѳинагоръ) даже сначала думалъ писать противъ христіанства и опровергать его и для этого принялся изучать священныя писанія христіанъ; но, побѣжденный неотразимой правдой этихъ писаній, неожиданно изъ врага христіанства сдѣлался его проповѣдникомъ. Отъ св. Іустина дошли до насъ двѣ апологіи, представленныя имъ императору Антонину Пію и римскому сенату, и „Разговоръ съ Трифономъ—іудеемъ“. Въ апологіяхъ Іустинъ защищаетъ христіанъ отъ несправедливыхъ обвиненій и гоненій со стороны язычниковъ и евреевъ, а въ „Раз-

говорѣ“ доказываетъ, что распятый при Понтіи Пилатѣ Іисусъ есть тотъ именно Христосъ или Мессія, о Которомъ предсказывали пророки. Въ этихъ-то сочиненіяхъ св. Іустина и находится множество выдержекъ и цитатъ изъ нашихъ евангелій. Въ общемъ приводятся до 127 текстовъ изъ всѣхъ четырехъ евангелій. вмѣстѣ съ этимъ Іустинъ описываетъ жизнь христіанъ, ихъ молитвенныя воскресныя собранія, на которыхъ, по его свидѣтельству, читались „сказанія апостоловъ“ (т. е. евангелія). Отсюда ясно, что въ то время, когда жилъ, писалъ и проповѣдовалъ св. Іустинъ (а это было, спустя какихъ—нибудь 40—50 лѣтъ послѣ смерти св. Іоанна Богослова), существовали, обращались среди христіанъ и читались на ихъ молитвенныхъ собраніяхъ наши евангелія, изъ которыхъ св. Іустинъ дѣлаетъ столь многочисленныя выдержки.

Изъ свидѣтелей—враговъ христіанства назовемъ самаго яростнаго—Цельса, современника императоровъ Антонина и Марка Аврелія (II в.). Въ то время, какъ Маркъ Аврелій, опасаясь за цѣлость государства, которому яко-бы угрожали христіане, воздвигъ жестокое гоненіе на нихъ, ученый язычникъ Цельсъ выступилъ противъ нихъ съ другимъ оружіемъ—оружіемъ слова. Въ своемъ сочиненіи „Истинное слово“ Цельсъ яростно нападаетъ на христіанъ, повторяя все то, что говорилось и выдумывалось противъ нихъ язычниками и евреями. Но всю силу своихъ ударовъ Цельсъ направляетъ противъ евангелій, разбирая, критикуя ихъ, глумясь надъ ними и, въ тоже время, конечно, дѣлая особенно драгоцѣнныя для насъ заимствованія и выдержки изъ этихъ евангелій. Цельсъ говоритъ о звѣздѣ, руководившей волхвовъ, о путешествіи ихъ въ Вилелеемъ и принесеніи ими Младенцу даровъ, о гоненіи отъ Ирода, явленіи ангела Іосифу, бѣгствѣ въ Египетъ и пребываніи тамъ; онъ приводитъ многія мѣста изъ нагорной проповѣди, говоритъ о призваніи апостоловъ, посольствѣ ихъ Іисусомъ Христомъ на проповѣдь и данномъ Имъ при этомъ наставленіи; упоминаетъ о предательствѣ Іуды, объ отреченіи Петра, молитвѣ Іисуса Христа въ Геесиманскомъ саду, о поднесеніи Спасителю во время страданій чаши съ уксусомъ и желчью, о мракѣ и землетрясеніи во время Его смерти, объ истеченіи крови и воды изъ прободеннаго ребра Его; говоритъ о томъ, будто воскресшаго Спасителя видѣла лишь одна женщина и, притомъ, „испуганная и изступленная“. Цельсъ вообще знаетъ ученіе христіанъ о Словѣ, Которое есть Сынъ Божій,—что Онъ

для нихъ есть свѣтъ и жизнь. Ученый христіанскій писатель Оригенъ (род. во II в. и написавшій „Восемь книгъ противъ Цельса“) приводитъ замѣчательныя слова Цельса, показывающія, что этотъ послѣдній имѣлъ подъ руками наши евангелія и пользовался ими. „И это все,—говоритъ онъ,—мы заимствовали изъ вашихъ собственныхъ писаній; мы не употребляемъ другихъ свидѣтельствъ, потому что вы (т. е. христіане) падаете на свой собственный мечъ“. Цельсъ считаетъ эти христіанскія писанія произведеніями учениковъ Иисуса, такъ какъ говоритъ, что многое объ Иисусѣ онъ могъ бы привести изъ другихъ источниковъ, „но иначе, чѣмъ въ писаніяхъ учениковъ Иисуса“, т. е. евангеліяхъ. Если бы Цельсъ и всѣ, подобные ему, древніе враги христіанства знали, какую услугу дѣлаютъ они этому христіанству, ссылаясь на евангелія и тѣмъ доказывая подлинность ихъ, какъ несомнѣнныхъ писаній учениковъ Иисуса Христа, то, конечно, не стали бы дѣлать того, что дѣлали!

Наконецъ, кромѣ указанныхъ свидѣтельствъ древнихъ христіанскихъ и языческихъ писателей, подтвержденіе исторической достовѣрности нашихъ евангелій мы находимъ въ посланіяхъ апостоловъ. Изъ нихъ особенную важность представляютъ посланія апостола Павла. Въ нихъ мы видимъ ясныя и неоднократныя указанія на важнѣйшія событія изъ жизни Иисуса Христа и на Его ученіе, во всемъ согласно съ евангеліями. Иисусъ Христосъ есть Сынъ Божій и Творецъ міра; Онъ родился отъ Дѣвы, жилъ среди людей, училъ ихъ, установилъ таинство Причащенія въ послѣднюю предъ страданіями ночь, былъ осужденъ старѣйшинами израилевыми, распятъ, умеръ, воскресъ, являлся по воскресеніи ученикамъ; Онъ опять придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Посланія апостола Павла написаны въ эпоху, самую близкую ко времени земной жизни Иисуса Христа (приблизительно въ 30-лѣтній періодъ, слѣдовавшій за Его страданіями), когда, слѣдовательно, были живы очевидцы земной жизни Спасителя. Свидѣтельство объ Иисусѣ Христѣ, Его жизни и ученіи со стороны ап. Павла важно для насъ не только потому, что оно идетъ къ намъ отъ эпохи очевидцевъ Иисуса Христа, но и потому, что исходитъ отъ человѣка, который сначала не былъ послѣдователемъ христіанства, а былъ его врагомъ и гонителемъ,—который, если сталъ потомъ его горячимъ приверженцемъ и проповѣдникомъ, то, конечно, имѣлъ полную возможность тщательно изслѣ-

довать и провѣрить у очевидцевъ все то, что касалось личности Иисуса Христа.

Итакъ, на основаніи всѣхъ указанныхъ свидѣтельствъ христіанской древности, мы убѣждаемся, что наши евангелія суть подлинныя и достовѣрныя повѣствованія объ Иисусѣ Христѣ, Его жизни на землѣ, ученіи, чудесахъ, страданіи, смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо, написанныя Его учениками и очевидцами или со словъ очевидцевъ (евангелія Марка и Луки). Сопоставляя всѣ эти свидѣтельства, ученые богословы пришли къ несомнѣнному и твердо установленному выводу, что всѣ четыре наши евангелія написаны въ первомъ столѣтіи по Рожд. Христовомъ.

III.

Болѣе всего насъ убѣждаетъ въ томъ, что наши евангелія суть подлинныя и достовѣрныя повѣствованія о жизни и ученіи Иисуса Христа, особенный, неподражаемый характеръ евангельскаго разказа, самый духъ евангелій, ихъ направленіе. Есть ли что-либо подобное нашимъ евангеліямъ во всемирной литературѣ, начиная отъ самыхъ древнѣйшихъ ея памятниковъ!?. Какъ служители архіерейскіе, возвратившись изъ храма, куда были посланы для взятія Иисуса, сказали архіереямъ и фарисеямъ: „никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ Человѣкъ“ (Іоан. 7, 46),—такъ всякій, кто безъ предубѣжденія, съ чистымъ и открытымъ сердцемъ будетъ читать Евангеліе, скажетъ: „никогда и ни въ какой другой книгѣ міра не было и не можетъ быть такъ написано и разказано, какъ въ этой книгѣ!..“ Чтобы придумать и сочинить такую книгу, чтобы выдумать такую личность, какъ Христосъ, Его дѣла и слова, нужно самому быть чудомъ, какимъ-то сверхъ-естественнымъ существомъ. „Я считаю евангелія безусловно истинными“,—говоритъ Гёте,—„потому что они проникнуты отблескомъ того величія, которое исходило отъ личности Христа,—божественнаго величія, равнаго которому никогда не появлялось на землѣ“. Руссо говоритъ: „Признаюсь, что величіе писанія наполняетъ меня изумленіемъ. Святость Евангелія говоритъ моему сердцу. Посмотрите на книги философовъ со всѣмъ ихъ блескомъ и важностью: какъ малы они въ сравненіи съ этой книгой! Возможно ли, чтобы столь возвышенная и вмѣстѣ столь простая книга была словомъ человѣческимъ? Возможно-ли, чтобы Тотъ, о Которомъ она разказываетъ, былъ только человѣкъ? Гораздо естественнѣе допустить, что существовалъ дѣйствительно Тотъ,

Кто далъ матеріалъ для этой книги, чѣмъ предположить соглашеніе нѣсколькихъ человѣкъ, чтобы сочинить эту книгу“. Англійскій мыслитель Дж. Ст. Милль спрашиваетъ: „Кто изъ учениковъ Христовыхъ или изъ послѣдователей послѣднихъ былъ бы въ состояніи изобрѣсти рѣчи, приписываемыя Иисусу, или придумать такую жизнь и такой характеръ, какіе намъ описываютъ евангелія?—Конечно, не рыбаки галилейскіе и, еще менѣе того,—писатели первыхъ вѣковъ христіанства“. Мы намѣренно указываемъ мнѣнія о Евангеліи такихъ мыслителей и писателей, которыхъ никто не заподозритъ въ пристрастіи къ христіанству и религіи вообще. Можно было бы привести мнѣнія и многихъ русскихъ писателей. Но отмѣтимъ, для примѣра, взглядъ на Евангеліе Вѣлинскаго, котораго называютъ родоначальникомъ русской интеллигенціи. „Есть книга,—говоритъ онъ,—въ которой все сказано, все рѣшено, послѣ которой ни въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, книга безсмертная, святая, книга вѣчной истины, вѣчной жизни... Евангеліе. Весь прогрессъ человѣчества, всѣ успѣхи въ наукахъ, въ философіи заключаются только въ большемъ проникновеніи въ таинственную глубину этой божественной книги, въ сознаніи ея живыхъ, вѣчно непреходящихъ глаголовъ“.

Евангеліе составляетъ часть одного великаго цѣлаго, одной великой книги—Библии, которую Паскаль (французскій ученый и философъ XVII в.) называетъ „самою древнею въ мірѣ книгою и самою подлинною“. Въ той части этого цѣлаго, которая извѣстна подъ именемъ Ветхаго Завѣта, во множествѣ разсѣяны предсказанія объ Иисусѣ Христѣ, возвѣщенные за многія сотни лѣтъ и даже за цѣлыя тысячелѣтія и исполнившіяся въ событіяхъ евангелійской исторіи съ буквальною точностью. Были предсказаны: время и мѣсто рожденія Спасителя, поклоненіе волхвовъ, избіеніе младенцевъ, бѣгство въ Египетъ, появленіе Предтечи, начало проповѣди въ Галилеѣ, чудеса Спасителя и ученіе Его, торжественный входъ въ Иерусалимъ, преданіе однимъ изъ учениковъ за тридцать сребренниковъ и покупка на эти деньги земли горшечника, страданія, смерть, погребеніе, воскресеніе... За 1000 лѣтъ было предсказано, что, при страданіи Спасителя, пронзятъ Ему руки и ноги, будутъ дѣлать ризы Его и объ одеждѣ Его будутъ бросать жребій, что въ пищу дадутъ Ему желчь и въ жаждѣ Его напоятъ Его уксусомъ (псаломъ 21-й). И все это исполнилось въ точности, и обо всемъ этомъ записано въ нашихъ евангеліяхъ! Какой искренній и непредубѣжденный человѣкъ пройдетъ мимо

всего этого и скажетъ, что это—простая случайность, а не величайшее свидѣтельство истинности и правдивости повѣствованій евангелистовъ! Пророчества и предсказанія о евангелійскихъ событіяхъ Паскаль считаетъ „величайшимъ изъ доказательствъ истинности Иисуса Христа“ и, стало быть, истинности евангелійскаго разсказа, передающаго о буквальномъ ихъ исполненіи. И въ самыхъ евангеліяхъ мы найдемъ предсказанія Иисуса Христа о Своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, о гоненіяхъ на христіанъ, о мученической смерти апостоловъ, о разрушеніи Иерусалима и храма. Въ какихъ ужасающихъ подробностяхъ исполнилось, напр., предсказаніе о разрушеніи Иерусалима и храма, по свидѣтельству очевидца, Иосифа Флавія! Овладевъ приступомъ Иерусалимомъ и храмомъ, императоръ Титъ изумился, когда осмотрѣлъ, какія неприступныя твердыни пришлось ему взять,—не принялъ обычныхъ поздравленій съ побѣдой, сказавши, что самъ Богъ совершилъ Свое опредѣленіе и помогъ ему взять этотъ городъ. Читатель описанія всѣхъ ужасовъ „Иудейской войны“, ставшей достояніемъ исторіи, неужели не вспомнитъ и не признаетъ, что сама Истина съ плачемъ изрекла скорбное пророчество объ этихъ ужасахъ, записанное въ Евангеліи?! „И когда приблизился (Иисусъ) къ городу, то, смотря на него, заплакалъ о немъ и сказалъ: о, если бы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служить къ миру твоему! Но сіе нынѣ сокрыто отъ глазъ твоихъ. Ибо прійдутъ на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопами, и окружаютъ тебя, и стѣснятъ тебя отовсюду, и разорятъ тебя, и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ, за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего“ (Луки 19, 41—44).

Наконецъ, всякій, читавшій Евангеліе, согласится съ тѣмъ, что вообще отъ евангелійскаго разсказа вѣетъ духомъ правдивости. Кристальная чистота, далекая отъ малѣйшей тѣни лжи, безхитростность разсказа, отсутствіе даже намека на какія-либо заднія мысли—вотъ чѣмъ дышатъ повѣствованія нашихъ евангелистовъ. Историкъ или повѣствователь, который болѣе всего ставится о томъ, чтобы быть правдивымъ и безпристрастнымъ, если не намѣренно, то невольно, непримѣтно для себя можетъ удалиться отъ правды, сдѣлаться пристрастнымъ тогда, когда дѣло касается его личности: о своихъ недостаткахъ и ошибкахъ онъ можетъ умалчивать, а достоинства выставить въ преувеличенномъ видѣ. И тѣни чего-либо подобнаго не замѣчаемъ мы у евангелистовъ.

Писатели евангелій и о себѣ и о своихъ недостаткахъ говорятъ безъ всякой утайки: они не скрываютъ того, какъ они сначала не понимали своего Учителя и даже какъ бы огорчали Его своимъ невѣріемъ или маловѣріемъ, какъ они разбѣжались, при взятіи Его врагами, и оставили Его одного при страданіяхъ, какъ одинъ изъ нихъ (со словъ котораго еванг. Маркъ писалъ свое евангеліе) трижды отрекся отъ Него, какъ они упорно не хотѣли вѣрить Его воскресенію и этимъ послѣднимъ невѣріемъ вызвали извѣстное восклицаніе Спасителя, записанное въ евангеліи Луки (24, 25): „о, несмысленные и медлительные сердцемъ, чтобы вѣровать всему, что предсказывали пророки!“ Развѣ такъ бы поступили люди хитрые, пристрастные, а, тѣмъ болѣе, завѣдомые лжецы и обманщики? Ясно, что писатели евангелій—люди, для которыхъ выше и дороже всего и своего „я“—правда, которые сначала, не зная или не понимая истины, ошибались и заблуждались, а потомъ познали ее и поэтому каются въ своихъ заблужденіяхъ; и они этого не только не боятся и не стыдятся, но имъ какъ бы даже и пріятно сознаваться предъ всѣмъ міромъ въ томъ, что вотъ, они прежде заблуждались, а теперь познали истину. Если указываютъ на нѣкоторыя разногласія въ рассказахъ евангелистовъ, то вѣдь эти разногласія скорѣе говорятъ въ пользу искренности и правдивости евангелистовъ, чѣмъ противъ нихъ. Если бы всѣ четыре евангелиста обо всемъ говорили согласно, слово въ слово, то вотъ тогда-то и сказали бы, что эти люди сговорились между собою. Что же касается вообще этихъ разногласій—очень незначительныхъ и несущественныхъ,—то они вполне понятны и объяснимы, поскольку евангелисты, руководимые Духомъ Божиимъ, все-таки оставались людьми съ индивидуальными особенностями характеровъ, темперамента, настроеній. Прослушайте нѣсколькихъ людей, очевидцевъ какого-либо событія, напр. пожара, и каждый стараясь быть правдивымъ, будетъ передавать о событіи по-своему, можетъ быть, не вполне согласно съ остальными очевидцами.

Вообще библейская критика въ настоящее время пришла къ выводу, что повѣствованія евангелистовъ суть простой, безхитросный рассказъ о томъ, что они видѣли и слышали, изложенный съ совершеннымъ безпристрастіемъ,—большимъ, чѣмъ у обыкновенныхъ историковъ. Евангелисты, въ тоже время, не преслѣдуютъ цѣлей ученыхъ историковъ или лѣтописцевъ, а имѣютъ въ виду одну великую цѣль, выраженную у евангелиста Іоанна

Богослова: „сіе написано, дабы вы увѣровали, что Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій“ (XX, 31).

IV.

Какимъ же рисуютъ намъ Іисуса Христа наши евангелія? Слабымъ человѣческимъ языкомъ невозможно изобразить все величіе смиренной красоты облика Христова. Читайте Евангеліе, и предъ вами предстанетъ Христосъ—кроткій, любящій, милосердый, смиренный, правдивый.. Всмотривайтесь въ художественныя картины великаго Васнецова, Нестерова, и глаза ваши подтвердятъ то, что чувствуетъ ваше сердце. Въ Іисусѣ Христѣ совмѣстились и воплотились всѣ совершеннѣйшія качества человѣческой природы. Онъ есть истинный и идеальный Сынъ Человѣчскій. И если привести себѣ на память всѣ черты образа и жизни Христовыхъ: Виленскую ночь, пещеру, ясли, пастуховъ, волхвовъ, Симеона, бѣгство въ Египетъ, Иорданъ, пустыню, мытарей и грѣшниковъ, женщинъ—блудницъ, добраго пастыря, благословеніе и ласки дѣтей, слезы при гробѣ Лазаря, умовеніе ногъ, прощальную бесѣду, Геосиманскую молитву, „Отче, отпусти имъ“, благоразумнаго разбойника,—все то, что каждаго изъ насъ съ самаго дѣтства то обвѣваетъ духомъ чистой поэзіи въ морозную рождественскую ночь, то умиляетъ и трогаетъ сердце въ святыя дни Страстной недѣли,—то все это не говоритъ ли съ неотразимою очевидностью, что мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то чудомъ всемірной исторіи, а не съ обыкновеннымъ, хотя бы и великимъ, человѣкомъ?!

Но всѣ драгоценныя качества образа Христова—и кротость и любовь, и смиреніе, и милосердіе—въ большей или меньшей степени встрѣчаются и въ людяхъ. Одно есть въ Іисусѣ Христѣ, чего нельзя встрѣтить ни въ одномъ человѣкѣ: Его безгрѣшность. Можно ли указать хотя одно пятно въ Его характерѣ, поступкахъ и дѣйствіяхъ? „Кто изъ васъ обличитъ Меня во грѣхѣ?“—властно и увѣренно говоритъ Христосъ іудеямъ (Іоан. 8, 46). Ни одинъ изъ людскихъ пороковъ даже въ самой слабой степени не можетъ быть указанъ въ личности Христа. Самая утонченная злоба ни въ одной строкѣ Евангелія не можетъ отыскать ни тѣни Его грѣховности. Если и можно вспомнить случай изгнанія торгующихъ изъ храма, когда Іисусъ Христосъ, взявши бичъ, проявилъ какъ бы негодованіе, то вѣдь этотъ случай, описанный въ Евангеліи, производитъ не смущающее, а, напротивъ, удовлетворяющее наше

нравственное чувство впечатлѣніе: этотъ гнѣвъ не есть страстная запальчивость, а—гнѣвъ праведный, достоинства и нравственного величія, предъ которымъ невольно отступили осквернители храма. Въ другомъ случаѣ, по поводу исцѣленія въ синагогѣ сухо-рукаго, когда Иисусъ Христосъ возрѣлъ на искушавшихъ Его книжниковъ „со гнѣвомъ“, въ Евангеліи прибавлено: „скорбя объ окаменѣніи сердець ихъ“ (Марк. 3, 5). Не только друзья Спасителя—апостолы называютъ Его то „святымъ и праведнымъ“ (Дѣян. 3, 14; 1 Петр. 3, 18; 1 Иоанн. 2, 29), то—„непорочнымъ и чистымъ агнцемъ“ (1 Петр., 1, 19), то—„не сдѣлавшимъ никакого грѣха“ (2, 22), „незнавшимъ грѣха“ (2 Кор 5, 21), „непричастнымъ злу“ (Евр. 7, 26) и др., но и самые враги Его свидѣтельствуютъ о Его невинности и безгрѣшности. Раскаившійся Иуда съ отчаяніемъ восклицаетъ: „я согрѣшилъ, предавъ кровь невинную“ (Мѡ. 27, 4)!. Язычникъ—Пилатъ, твердо заявившій, что онъ не находитъ во Христѣ никакой вины, осуждая Его на смерть, трепещетъ отъ страха и спѣшитъ умытъ руки предъ народомъ, говоря: „невиновенъ я въ крови праведника сего“ (24). А грубый римскій воинъ—сотникъ при крестѣ громко исповѣдуется: „воистину человекъ этотъ былъ праведникъ“ (Лук. 23, 47). И весь народъ, собравшійся на этотъ позоръ, въ ужасѣ возвращается домой, бія себя въ грудь (48). Даже безсловесная природа содрогнулась, не вынеся безгрѣшныхъ страданій Праведника.

Божества языческихъ народовъ представлялись имѣющими слабости и пороки, страсти и паденія; а нѣкоторыя божества были прямо олицетвореніемъ пороковъ и страстей. Будда никогда не выдавалъ себя за бѣзгрѣшнаго. Магометъ сознается и кается въ своихъ грѣхахъ. Въ Иисусѣ Христѣ мы не видимъ ничего подобнаго. Нигдѣ мы не встрѣчаемъ въ евангеліяхъ, что бы Онъ раскаивался въ чемъ—нибудь или нуждался въ прощеніи, хотя всѣхъ Онъ призывалъ къ покаянію и съ этого началъ Свою проповѣдь (Мѡ. 4, 17). Въ пятомъ прошеніи Своей молитвы Онъ научаетъ всѣхъ молить Бога о прощеніи грѣховъ, Самъ умоляетъ Отца о прощеніи людскихъ грѣховъ (Лук. 23, 34), но Себѣ у Отца никогда не проситъ милости и прощенія. „Кто можетъ обличить Меня во грѣхѣ?“ Этотъ вопросъ и до сихъ поръ какъ бы обращенъ ко всему міру, и никто изъ людей, въ комъ есть совѣсть, не осмѣлится выступить такимъ обличителемъ.

Итакъ, совмѣщеніе въ лицѣ Иисуса Христа идеальныхъ качествъ человѣческой природы съ одной стороны и совершенная безгрѣшность съ другою—не есть ли свидѣтельство о Его божественности?!

V.

Въ евангеліи описана не одна жизнь Иисуса Христа: тамъ изложено Его святое и божественное ученіе. А что выше этого ученія не было и нѣтъ на землѣ, въ этомъ согласны люди самыхъ разнообразныхъ направленій и убѣжденій. Слышалъ ли міръ изъ устъ какого-либо человекъ что-нибудь подобное заповѣдямъ блаженства и всей нагорной проповѣди? Она приковываетъ къ себѣ вниманіе и сердце такъ, что нѣкоторые (напр., Л. Толстой) уже ничего, кромѣ нея, не видятъ въ Евангеліи: ни самого Христа, ни Его дѣла. Ясно, что Тотъ, Кто возвѣстилъ міру это необыкновенное ученіе, выше всѣхъ людей міра. Много было на свѣтѣ мудрыхъ, гениальныхъ людей, которые проповѣдовали свое ученіе. Но,—не говоря о томъ, что всѣ эти ученія отстаютъ отъ Христова, какъ небо отъ земли,—эти гениальные проповѣдники первые же и нарушали то, о чемъ проповѣдовали. Одинъ Иисусъ изъ Назарета, сказавшій, что Онъ пришелъ не нарушить законъ, а исполнить (Мѡ. 5, 17), является совершеннѣйшимъ воплощеніемъ того, что Онъ проповѣдовалъ

Иисусъ Христосъ возвѣщалъ Свое ученіе, какъ ученіе именно божественное, а не человѣческое (Іоан. 7, 16; 8, 26 и др.), возвѣщалъ его, какъ власть имѣющій (Мѡ. 7, 29). И никогда человекъ не говорилъ такъ, какъ говорилъ Онъ (Іоан. 7, 46)! Но ни откуда не видно, что бы Онъ у кого-либо учился, чтобы кто-нибудь или какая-нибудь школа имѣли на Него вліяніе. Онъ, еще двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ изумившій книжниковъ Своимъ разумомъ и отвѣтами, никогда потомъ не ссылался ни на одну книгу, кромѣ книгъ Ветхаго Завѣта, не ссылался ни на всемірную исторію, ни на поэзію, ни на философію, ни на какую-либо другую науку. Ни въ Его жизни, ни въ Его рѣчахъ мы не найдемъ ни малѣйшаго слѣда вліянія культуры и философіи грековъ. А въ Галилеѣ тогда много жило грековъ, греческая рѣчь раздавалась тогда во многихъ городахъ ея, и въ нихъ жили и учили греческіе философы. Судя по рѣчамъ Иисуса Христа, ни на одну минуту нельзя подумать, чтобы Онъ прошелъ и какую-либо школу тогдашнихъ раввиновъ. Иудеи, слышавшіе Его ученіе и видѣвшіе

Его дѣла, съ изумленіемъ спрашивали: „какъ Онъ знаетъ писанія, не учившись“ (Іоан. 7 15)? „Откуда у Него это? что за премудрость дана Ему?... не плотникъ-ли Онъ“?... (Мрк. 6, 2—3). Такъ изумлялись жители Назарета, знавшіе и наблюдавшіе Иисуса съ дѣтскихъ лѣтъ.

Высота и божественное величіе ученія Иисуса Христа состоитъ въ томъ, что Онъ принесъ на землю новый законъ жизни, и законъ этотъ есть—любовь. До Него человѣчество не знало этого закона: заповѣдь о любви Онъ называетъ „новою“ (Іоан. 13, 34). „Сколько разъ прощать брату моему?“—спрашивалъ ап. Петръ,—„до семи ли разъ?“—„Не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ“, т. е. безчисленное количество разъ,—отвѣчалъ Иисусъ (Мѣ. 18, 21—22). Развѣ можно признать это ученіе *только* человѣческимъ?.. Никакого другого слова люди такъ часто не повторяютъ, какъ слово „любовь“. Но любовь, заповѣданная Христомъ, одна достойна этого имени. Что такое христіанская любовь? Послушаемъ, какъ изображаетъ ее одинъ христіанскій писатель—подвижникъ (преп. Исаакъ Сиринъ). „Упоенное любовью, сердце человѣка возгарается о птицахъ, о животныхъ, о дѣмонахъ и о всѣхъ вообще тваряхъ—о разумныхъ и неразумныхъ, о злыхъ и добрыхъ. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ очи человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце, оно умиляется, и человѣкъ не можетъ вынести, или слышать, или видѣть какого-либо вреда или малой печали, протерпѣваемыхъ тварію. А потому и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ со слезами приносить молитву, чтобы они сохранились и были помилованы, а также и о естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостію, какая безъ мѣры возбуждается въ его сердцѣ до уподобленія въ этомъ Богу“. „Отче! отпусти имъ, не вѣдаютъ бо что творять,“—молился распятый Христосъ (Лк. 23, 34). Припомнимъ старшаго брата о. Зосимы въ „Братяхъ Карамазовыхъ: какъ онъ сначала былъ сухимъ эгоистомъ и безбожникомъ, а потомъ, передъ смертію, исполнился такой умиленной любви и смиренія, что всѣхъ готовъ былъ обнять, у всѣхъ, даже у птицъ небесныхъ, просилъ прощенія, жаждалъ служить и угождать слугамъ своимъ. Такая умиленная любовь не земного, а небеснаго происхожденія, и принесъ эту любовь людямъ Христосъ отъ Отца Своего, Который есть любовь (1 Іоан. 4, 16) и „такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына своего единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него

не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 3, 16).

Любовь есть сила возрождающая и побѣждающая. И христіанское ученіе, исполненное небесной любви, возродило и побѣдило міръ. Какъ могло это ученіе, проповѣданное некнижными галилейскими рыбаками, возродить и побѣдить языческій міръ, полный злобы и гордыни?! „Повсюду,—пишетъ упомянутый выше Плиній императору Траяну едва чрезъ 70 лѣтъ послѣ смерти Христа,—распространилось это суевѣріе, по городамъ, селамъ и деревнямъ: храмы нашихъ боговъ стоятъ опустѣлыми, и уже давно не приносится болѣе никакихъ жертвъ“. А христіанскій апологетъ конца второго и начала третьяго вѣка—Тертуллианъ въ своемъ защитительномъ сочиненіи такъ говоритъ язычникамъ: „мы пропознали лишь вчера и уже заняли всю вашу землю, города, острова, лагерь, дворецъ, сенатъ, форумъ и оставили вамъ только храмы“. „Христіане встрѣчаются во всѣхъ странахъ,—свидѣтельствуемъ римскій философъ Сенека;—побѣжденные стали законодателями побѣдителей“. Этому побѣднаго шествія христіанства не могли остановить отчаянныя трехвѣковыя гоненія, воздвигнутыя язычниками. Но „кто побѣждаетъ міръ,—спрашиваетъ св. Іоаннъ Богословъ,—какъ не тотъ, кто вѣруетъ, что Иисусъ есть Сынъ Божій“ (1 Іоан. 5, 5)? Вѣра въ Иисуса Христа, какъ Сына Божія и есть побѣда, побѣдившая міръ (4). Вспомнимъ слова ученаго фарисея Гамалиила предъ членами синедріона: „если это предпріятіе (т. е. проповѣдь апостоловъ о Христѣ) и это дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится: а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его“ (Дѣян. 5, 38—39).

И такъ, если дѣло христіанства не разрушилось, если, напротивъ, христіанское ученіе возродило и побѣдило міръ, то ясно, что оно—ученіе не человѣческое, а—отъ Бога; ясно, что Тотъ, Кто принесъ и возвѣстидъ міру это ученіе, и именемъ Котораго галилейскіе рыбаки побѣдили міръ, и ради Котораго христіанскіе мученики шли на смерть, есть не простой человѣкъ, а—Богъ. И какъ сердца путниковъ, шедшихъ въ Эммаусъ, горѣли, когда Христосъ, ими неузнанный, говорилъ съ ними на пути (Лук. 24, 32), такъ сердце всякаго человѣка, читающаго тоже слово Христово въ Евангеліи, чувствуетъ его чудодѣйственную силу. Евангеліе и есть та живая вода, пьющій которую человѣкъ уже не будетъ жаждать во вѣкъ, и про которую Христосъ говорилъ самарянкѣ (Іоан. 4, 14). И сколько ни читай Евангеліе, никогда не соскучишься, и всякій разъ, при новомъ повтореніи, будетъ

казаться, что слышишь что-то новое, чего прежде не замѣчалъ. Про Наполеона, во время заключенія его на островѣ св. Елены, рассказываютъ, что онъ, указывая на Новый Заветъ, лежавшій на столѣ, сказалъ: „Я никогда не утомляюсь, читая его, и каждый день читаю его съ одинаковымъ восхищеніемъ. Евангеліе не есть книга, но живая сила, побѣждающая все, что захочетъ ей противиться. Чистота Евангелія, плѣняющаго душу, принадлежитъ не міру, но Богу“.

VI.

Христіанство, побѣдившее міръ, существуетъ и до настоящаго времени и—не какъ просто нравственное ученіе, не какъ извѣстное направленіе или школа, а—какъ міровая религія, какъ міровое общество, какъ вселенская Церковь. И была ли и есть ли такая религія, которая бы такъ, какъ христіанство, стояла выше всѣхъ племенныхъ особенностей и раздѣленій среди человѣчества?! Съ школьныхъ лѣтъ мы знаемъ, что въ Церкви Христовой „нѣтъ ни еллина, ни іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара и скѣпа, раба и свободнаго; но все и во всемъ Христосъ“ (Колос. 3, 11). Основатели всякихъ другихъ религіозныхъ обществъ были не болѣе, какъ религіозные реформаторы, которые являлись выразителями идей и стремленій своего времени. Только Христосъ былъ создателемъ новой всемірной, всечеловѣческой религіи, которую исповѣдовали, исповѣдуютъ и будутъ исповѣдовать люди всѣхъ странъ, временъ и народовъ. Неужели исламу Магомета или мертвому буддизму соперничать съ религіей Христа?! „Идите, научите всѣ народы“... (Мѣ. 28, 19). „И будете Мои свидѣтелями въ Іерусалимѣ, и во всей Іудеѣ, и Самаріи, и даже до послѣднихъ земли“ (Дѣян. 1, 8). Такъ сказалъ Иисусъ Христосъ ученикамъ, и могъ ли такъ говорить какой-нибудь Будда или Магометъ?!

Но Иисусъ Христосъ не есть только основатель новой религіи: Онъ—предметъ ея. Люди, входящіе въ основанную Имъ Церковь, чтутъ Его не какъ великаго мыслителя или религіознаго реформатора, но—какъ Бога и Спасителя. Въ жизни всегда было и будетъ такъ, что дѣло, иногда самое великое, съ теченіемъ времени, отрѣшается отъ личности, которая совершила это дѣло или положила ему начало, и только немногіе помнятъ и знаютъ объ этой личности. По желѣзнымъ дорогамъ всѣ ѣздятъ и всѣ пользуются удобствами этого способа передвиженія. Но никому въ голову не приходитъ допытаться: кто же первый выдумалъ паровую маши-

ну? И мы не слышимъ, чтобы въ вагонахъ повторялось имя Стефенсона; только немногіе знаютъ это имя. Но имя Иисуса Христа! По словамъ ап. Петра предъ синадріономъ, „нѣтъ другого имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ“ (Дѣян. 4, 12). Это имя съ умиленіемъ произносятъ люди и въ горѣ, и въ радости, и въ благополучіи, и въ опасности, и днемъ, и ночью... Мать проноситъ это имя надъ колыбелью своего ребенка, умирающей человѣкъ шепчетъ это имя, лежа на смертномъ одрѣ. Много въ честь великихъ людей сложено стиховъ и пѣсней. Но сколько ли сложено стиховъ и пѣсней въ честь этихъ людей, сколько въ честь Христа?! Всѣ эти большія кожанныя книги, по которымъ поютъ и читаютъ въ христіанскихъ храмахъ, которыя Церковь уберегла и сохранила отъ временъ сѣдой древности, чье имя повторяютъ, и величаютъ на каждой страницѣ и въ каждой строкѣ? Имя Иисуса Христа. Если Иисусу изъ Назарета принадлежитъ имя „выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Его преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ“ (Филип. 2, 9—10), то неужели миллионы устъ и сердець въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ повторяютъ имя простаго, смертнаго человѣка?! Если Христосъ—простою человѣкъ, то, значитъ, въ теченіе этихъ почти двухъ тысячъ лѣтъ миллионы людей заблуждались, обоготворивши какого-то еврея, казненнаго при римскомъ императорѣ Тиверіи, по приговору прокуратора Понтія Пилата? Заблуждались ученики Христа, заблуждались мученики, заблуждались отцы вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, заблуждались христіанскіе подвижники?.. Заблуждаемся, стало быть, и мы, исповѣдующіе Христа распятаго Сыномъ Божиимъ? Но видалъ ли когда міръ подобное заблужденіе, столь всеобщее, столь вѣковѣчное, столь страстное, за каковое заблужденіе люди готовы были по одной каплѣ отдать кровь свою!? Если Христосъ—простою человѣкъ, то зачѣмъ Его послѣдователи съ самыхъ первыхъ временъ такъ свѣтло праздновали Пасху? зачѣмъ и намъ дѣлать это? зачѣмъ каждый первый день недѣли праздновать и называть его „воскресеньемъ“? Намъ въ пасхальную ночь нужно погасить пасхальные огни, затворить и запереть храмы; безмысленны радости пасхальныя привѣтствія, ненуженъ колокольный звонъ. Если Христосъ—простою человѣкъ, то пусть навсегда замолкнетъ звонъ колоколовъ, пусть навсегда погаснутъ лампы и свѣчи, пусть храмы обратятся въ театры, въ складочныя магазины или фабрики, пусть съ христіанскихъ кладбищъ будутъ снесены и

уничтожены кресты, осѣняющіе могилы!.. Какъ это ужасно! Этому должны ужаснуться, кажется, и невѣрующіе люди.

VII.

О божествѣ Иисуса Христа съ неотразимою силою говорятъ Его чудеса, описанныя въ евангеліяхъ. Люди, не вѣрующіе въ чудеса, впрочемъ, могутъ сказать, что чудеса невозможны. Но на чемъ утверждается это положеніе? Чтобы утверждать, что чудеса невозможны, нужно изслѣдовать всю безконечную область явленій. А наука изслѣдовала только самую ничтожную часть ихъ. И въ этой ничтожной части она очень часто утверждаетъ на положеніяхъ, которыя приходится принимать на вѣру. Математика имѣетъ аксіомы, физика вѣруетъ въ атомы и молекулы, которыхъ никто не видѣлъ и не можетъ видѣть, объясняетъ свѣтъ колебаніемъ эфира, учитъ объ электричествѣ. Но что такое эфиръ и электричество, физика и сама сказать не можетъ. Что такое атомъ? Въ самомъ понятіи объ атомѣ заключается противорѣчіе. Если атомъ имѣетъ хотя малое пространственное протяженіе, то почему же онъ недѣлимъ далѣе? Если же онъ не занимаетъ мѣста въ пространствѣ, то немислимо, чтобы атомы вмѣстѣ, какъ бы ихъ много ни было, могли заполнить хотя малое пространство. Но безъ атомовъ,—говорятъ,—невозможно. Безъ предположенія о томъ, что существуютъ атомы, въ наукѣ все неясно, всѣ дальнѣйшія изысканія не имѣютъ подъ собою твердой почвы, а при этомъ предположеніи все ясно и обосновано. Въ томъ—то и дѣло, что въ научныхъ изслѣдованіяхъ хотятъ отправиться и отправляются отъ того, что приходится принимать на вѣру. Но тогда позвольте и намъ, вѣрующимъ людямъ, отправляться отъ понятій, обоснованныхъ на вѣрѣ, позвольте намъ признавать и чудеса. И для насъ тогда все будетъ ясно и обосновано. Позвольте намъ вѣровать, напр., что міръ не самъ собою произошелъ, а сотворилъ его Богъ. Тогда для насъ все понятно въ мірѣ. И что лучше принять: атомъ—непонятный, слѣпой, случайный, зародившійся самъ собою, или всемогущаго и премудраго Творца, Который воззвалъ къ бытію все по великой Своей любви?.. Кажется, въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ большимъ чудомъ, чѣмъ во второмъ.

Чудеса невозможны. Но какъ же быть: вѣдь евангелія рассказываютъ о чудесахъ? Нужно или вычеркнуть эти рассказы, какъ ложные, или объяснить ихъ какъ-нибудь иначе. Но не будемъ распространяться о томъ, насколько удобно и возможно въ

евангеліяхъ, какъ историческомъ памятникѣ, одно выбрасывать и вычеркивать, а другое оставлять. Вѣдь въ такомъ случаѣ каждый можетъ перекраивать и передѣлывать Евангеліе по—своему: одинъ будетъ признавать только нравственное ученіе Христа, а всѣ событія евангельской исторіи и въ томъ числѣ чудеса объявить вымышленными, другой будетъ стоять за событія, а рѣчи Спасителя подвергнетъ сомнѣнію, третій и въ рѣчахъ и событіяхъ будетъ выбирать то, что ему нравится, и т. д. Вычеркнуть всѣ рассказы евангелистовъ о чудесахъ не рѣшились даже Ренанъ и Л. Толстой. Они хотятъ только объяснить и растолковать ихъ по—своему, какъ рассказы о событіяхъ естественныхъ, которыя апостолы считали чудесами. Такъ, напр.,—по Л. Толстому,—чудесное насыщеніе пяти тысячъ чловѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами состояло въ томъ, что, по призыву Иисуса Христа, каждый подѣлился пищею, которую имѣлъ при себѣ, съ другими, и всѣ не только насытились, но еще и осталось. Разслабленный, страдавшій 38 лѣтъ и исцѣленный Иисусомъ Христомъ, какъ рассказывается у евангелиста Іоанна, по мнѣнію Л. Толстого, былъ просто лѣнтяй, валявшійся въ Виѣздѣ, котораго Христосъ образумилъ и усовершенствовалъ работать, а слѣпорожденный вовсе не слѣпой, а темный, глухой чловѣкъ, котораго Христосъ сдѣлалъ умнымъ, и т. п. Но вѣдь, при такомъ пониманіи и объясненіи евангельскихъ чудесъ, выводъ получится неожиданный.

Какъ смотрѣлъ на чудеса Спасителя народъ? какъ смотрѣли ученики? враги Его—книжники и фарисеи? Какъ видно изъ евангеліи скихъ повѣствованій, всѣ и народъ, и ученики, и книжники съ фарисеями—смотрѣли на нихъ, именно какъ на чудеса. Народъ, послѣ чудеснаго насыщенія пяти тысячъ чловѣкъ, пришелъ въ такой восторгъ, что хотѣлъ „нечаянно взять“ и провозгласить Иисуса Христа царемъ, такъ что Онъ поспѣшилъ удалиться отъ него (Іоан. 6, 14—15). А враги Христа и не помышляли отрицать чудесъ, а только настаивали на томъ, что они совершаются силою вельзевула, князя бѣсовскаго (Мѣ. 12, 24 и др.). Если же такъ, если всѣ очевидцы чудесъ, совершенныхъ Спасителемъ, считали ихъ именно за чудеса, то, стало быть, они заблуждались, считая за чудо то, что на самомъ дѣлѣ было событіемъ естественнымъ,—такъ выходитъ по ученію Ренана, Л. Толстого и другихъ, имъ подобныхъ, людей. Если же очевидцы чудесъ Христовыхъ заблуждались, то почему же Иисусъ Христосъ не разубѣдилъ ихъ въ этомъ? почему не объяснилъ, не растолко-

валъ, что вы-де Мои дѣйствія напрасно счптаете за чудеса: они не таковы? Какъ нравственный и честный человѣкъ, Онъ обязанъ былъ это сдѣлать. Не могъ же Онъ не замѣтить въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, что всѣ Его считаютъ за чудотворца. Иоаннъ Креститель, какъ честный и правдивый человѣкъ, вѣдь не согласился же принять незаслуженную честь: когда онъ увидѣлъ, что его принимаютъ за Христа, то прямо сказалъ: „я не Христосъ“ (Іоан. 1, 20). Если же Иисусъ Христосъ, какъ мы видимъ изъ евангелій, ни разу не сдѣлалъ ни одной попытки вразумить свидѣтелей чудесъ, что это суть явленія естественныя, то,—ясное дѣло,—Онъ, для какихъ-то цѣлей, позволялъ и попускалъ толпѣ считать Себя за чудотворца, не будучи таковымъ на самомъ дѣлѣ, то-есть,—говоря проще,—морочилъ толпу или былъ сознательнымъ обманщикомъ. Такъ и выходитъ по Э. Ренану. Иисусъ позволялъ толпѣ считать Себя за чудотворца по-неволѣ, дѣлая ей уступку, для достиженія высшихъ цѣлей Своего призванія—быть реформаторомъ религіозно-нравственнаго настроенія человѣчества, то-есть,—другими словами,—хорошихъ цѣлей достигалъ дурными средствами. И составитель „Жизни Иисуса“ все это чистосердечно и откровенно поясняетъ. „Надо припомнить,—говоритъ онъ,—что всякая идея утрачиваетъ свою чистоту, лишь только она обнаруживаетъ стремленіе осуществиться. Тутъ никогда нельзя добиться успѣха безъ нѣкотораго тренія, отъ котораго страдаетъ чуткая душа. Но такова уже участь слабого ума человѣческаго, что обыкновенно все наилучшее достигается лишь плохими средствами 1)“. Послѣ этого неудивительно, что Ренанъ предполагаетъ, будто Иисусъ Христосъ вызвалъ изъ гроба не четверодневнога мертвеца (Лазаря), а живого, спрятаннаго заранѣе въ пещеру, друга, для воздѣйствія на суетвѣрную толпу. Хорошо же, однако, этотъ религіозный реформаторъ человѣчества и проповѣдникъ новой, высшей, морали въ лицѣ Христа, обрисованный Ренаномъ! И стоило ли изъ-за него изучать памятники древней письменности, ѣздить въ Палестину и изучать всѣ мѣста, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ, писать о немъ цѣлую книгу, посвящая ее „свѣтлой душѣ моей сестры Генриетты“!..

Но приходится удивляться, что, при всемъ этомъ, Ренанъ старается облѣпить Иисуса изъ Назарета и сохранить о Немъ пред-

1) Э. Ренанъ. „Жизнь Иисуса“. Перев. съ 19 изд. Святловскаго. Изд. Пирожкова. СПб., 1906 г. Стр. 201.

ставленіе, какъ о великомъ человѣкѣ. Въ самомъ началѣ своей книги („Жизнь Иисуса“) онъ говоритъ о переворотѣ, при посредствѣ котораго благороднѣйшія расы человѣчества перешли отъ древнихъ языческихъ религій къ новой, высшей религіи. И начало этому перевороту положилъ Иисусъ. „Въ эту эпоху (царствования Августа и Тиверія),—говоритъ Ренанъ,—жилъ великій человѣкъ, который своей смѣлой инициативой и той преданностью, какую онъ сумѣлъ внушить себѣ, создалъ и самый объектъ, и исходную точку будущей вѣры человѣчества“. 2) Приходится удивляться и тому, что и Л. Толстой и всѣ другіе, отрицающіе чудеса и понимающіе ихъ, какъ событія естественныя, усиливаются во что бы то ни стало сохранить въ лицѣ Христа великаго человѣка и великаго учителя нравственности, какого нпкогда не зналъ міръ. Пусть же судитъ читатель, возможно ли это. Нѣтъ, это невозможно. Если Иисусъ Христосъ совершалъ не чудеса, а дѣйствія естественныя, а народъ и ученики считали ихъ за чудеса, а Онъ видѣлъ это и не образумилъ народъ и учениковъ и даже пользовался славою чудотворца для достиженія какихъ-то цѣлей, то Онъ не только не Сынъ Божій и не великій человѣкъ, но и вообще не честный человѣкъ, а льстецъ и обманщикъ. Такимъ и считали Его враги—первосвященники и фарисеи, которые сказали Пилату въ субботу утромъ: „Господинъ! мы вспомнили, что обманщикъ тотъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней воскресну“ (Мѡ. 27, 62—63). Какъ ни больно, какъ ни тяжело для вѣрующихъ людей выговаривать эти страшныя слова, но нельзя ихъ не выговорить, ибо они—неизбѣжный выводъ изъ ученія отрицателей чудесъ и божества Иисуса Христа, и пусть устыдятся они раздѣлять убѣжденія враговъ Христа—книжниковъ и фарисевъ. Если же они хотятъ (а они очень хотятъ) остаться при убѣжденіи, что Христосъ не будучи Богомъ, былъ великимъ человѣкомъ, то пусть мирятся съ тою нелѣпою мыслью, что великій человѣкъ можетъ быть сознательнымъ обманщикомъ. Этого мало. Вѣдь съ точки зрѣнія невѣрующихъ въ чудеса и божество Иисуса Христа людей и Евангеліе необходимо признать книгою зловредною, ибо все ученіе, которое тамъ содержится, есть ученіе сознательнаго обманщика. Но кто рѣшится это сдѣлать?!

Итакъ, одно изъ двухъ: или Христосъ чудесъ не творилъ,

2) Тамъ же, стр. 1.

а что казалось чудесами, то были явления естественныя, и тогда Онъ не только простой человѣкъ, но и—нечестный человѣкъ, потому что обманывалъ толпу; или Онъ дѣйствительно творилъ чудеса, и тогда Онъ—Сынъ Божій, посланный Отцемъ. Самъ Спаситель такъ и смотрѣлъ на чудеса, какъ на доказательство Своего божественнаго достоинства. „Дѣла, которыя Отецъ далъ Мнѣ совершить,—говоритъ Онъ,—самыя дѣла эти, которыя Я творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, что Отецъ послалъ Меня“ (Іоан. 5,36). „Если Я не творю дѣлъ Отца Моего, не вѣрьте Мнѣ. А если творю, то, когда не вѣрите Мнѣ, вѣрьте дѣламъ Моимъ“ (10,37—38).

VIII.

Есть въ евангельской исторіи одно чудесное событіе, которое превышаетъ всѣ другія,—такое событіе, признать которое значитъ признать и всѣ остальные чудеса и, стало быть, признать—божество Иисуса Христа. Событіе это—воскресеніе Христово. Если не признать истины воскресенія Христова, то ненужно и бессмысленно и само христіанство. Если Христосъ не воскресъ,—пишетъ ап. Павелъ Коринтянамъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша“ (1 Кор. 15, 14). Когда, послѣ изгнанія торгующихъ изъ храма, возбѣшенные іудеи приступили къ Иисусу Христу съ требованіемъ доказать какимъ либо знаменіемъ то, что Онъ имѣетъ власть такъ поступать, Спаситель сослался на Свое будущее воскресеніе, какъ на доказательство Своего мессіанскаго и божественнаго достоинства: „разрушьте храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его“ (Іоан. 2,19). Ученики въ то время не поняли, что Иисусъ Христосъ говорилъ о храмѣ тѣла Своего; когда же Онъ воскресъ, то вспомнили слова Его и повѣрили имъ (22). Въ другой разъ, когда упорные въ невѣрїи книжники и фарисеи добивались отъ Него тоже знаменія, Онъ сказалъ имъ: „родъ лукавый и прелюбодѣйный ищетъ знаменія, и знаменіе не дастся ему, кромѣ знаменія Іоны пророка; ибо какъ Іона былъ во чревѣ кита три дня и три noci, такъ и Сынъ человѣческій будетъ въ сердцѣ земли три дня и три noci (Мѡ. 12, 39—40). Недаромъ противъ чуда воскресенія Христова направлялись всѣ удары отрицателей: враги христіанства хорошо сознавали, что признать воскресеніе Христово значитъ признать всѣ чудеса, признать Иисуса Христа за Бога.

Что же это за удары, которые направляются противъ истины воскресенія Христова? Люди, не вѣрующіе въ божество Иисуса

Христа, утверждаютъ, что Иисусъ Христосъ умеръ и былъ погребенъ, но не воскресалъ изъ мертвыхъ. Оставимъ въ сторонѣ то, что мы выше говорили объ исторической достовѣрности нашихъ евангелій, въ которыхъ подробно и обстоятельно повѣствуется о воскресеніи Христа и о неоднократныхъ явленіяхъ Его послѣ воскресенія,—что о воскресеніи Христовомъ, кромѣ евангелій, говорятъ и апостольскія посланія. Остановимся на такихъ событіяхъ, которыхъ не будутъ отрицать и невѣрующіе. Когда первосвященники и фарисеи въ субботу утромъ, съ дозволенія Пилата, запечатывали гробъ Спасителя и приставляли къ нему стражу, то тѣло Спасителя было тамъ, во гробѣ. Въ этомъ они, конечно, убѣдились, ибо слишкомъ были въ этомъ заинтересованы и, запечатывая, конечно, предварительно тщательно провѣрили, во гробѣ ли тѣло. Но на другой, послѣ субботы, день,—въ первый день недѣли, тѣла Иисуса Христа во гробѣ не оказалось. Куда же дѣвалось тѣло? Когда воины прибѣжали и рассказали первосвященникамъ о томъ, что случилось при гробѣ,—какъ было землетрясеніе, какъ явился ангелъ, отъ вида котораго они стали, какъ мертвые, то тѣ, „собравшись со старѣйшинами и сдѣлавъ совѣщаніе, довольно денегъ дали воинамъ, и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали; и, если слухъ объ этомъ дойдетъ до игемона, мы утолимъ его; и васъ отъ непрятности избавимъ. Они, взявъ деньги, поступили, какъ научены были; и пронеслось слово сіе между іудеями до сего дня“ (Мѡ. 28, 11—15). Вотъ, эта нелѣпая сказка о похищеніи тѣла Иисуса Христа приводилась и приводится и для объясненія пустого гроба. Но какая несообразность въ этомъ объясненіи даже на первый взглядъ! Еще Цельсъ признавалъ всю несообразность такого объясненія. Воины говорятъ, что они спали; однако утверждаютъ, что именно ученики украли тѣло. Спали,—стало быть, не видали. Первосвященники и фарисеи, заинтересованные въ цѣлости гроба и тѣла, конечно, должны были принять всѣ мѣры къ тому, чтобы воины караулили гробъ крѣпко и хорошо, не только днемъ, но и ночью; а иначе зачѣмъ бы и стражу приставлять! Вѣдь они же, придя къ Пилату утромъ послѣ пятницы, говорили ему: „Господинъ! мы вспомнили, что обманщикъ тотъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней воскресну. Итакъ, прикажи охранять гробъ до третьяго дня, чтобъ ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: воскресъ изъ мертвыхъ. И будетъ послѣдній обманъ хуже

перваго“ (Мѡ. 27, 63—64). И что же это за стража, которая спитъ при охранѣ! Какая же кара постигаетъ такую плохую стражу? Воины остаются безнаказанными. А между тѣмъ, въ послѣдующее время царь Иродъ Агриппа приказалъ казнить воиновъ, которые не устерегли ап. Петра, освобожденнаго изъ темницы чудеснымъ образомъ. Очевидно, стражей трогать было нельзя, ибо они могли вывести обманъ на свѣжую воду, и имъ, напротивъ, даются „сребренники довольны“ за разглашеніе молвы о похищеніи тѣла учениками. Первосвященники и фарисеи не тронули не только воиновъ, но и учениковъ Иисуса Христа, похитившихъ тѣло, хотя имѣли полную возможность не только разслѣдовать это дѣло, но и добиваться казни учениковъ. Даже тогда, когда, послѣ сошествія Св. Духа, апостолы проповѣдовали и разглашали о воскресеніи Христовомъ, члены синедриона не суютъ ихъ, не обвиняютъ въ похищеніи тѣла и даже ни слова не говорятъ объ этомъ, а ограничиваются только запрещеніемъ проповѣдовать объ имени Иисуса Христа; „между тѣмъ,—говорится въ книгѣ Дѣяній св. Апостоловъ,—узнавали ихъ, что они были съ Иисусомъ“ (4, 13). А вѣдь можно было употребить всѣ усилія, чтобы не только распутать весь этотъ, по ихъ мнѣнію, обманъ учениковъ, но и отыскать то мѣсто, куда ученики спрятали тѣло: не могло же оно истиѣть въ нѣсколько недѣль... Можно было въ то мѣсто привести толпы народа, показать тѣло, изболничить учениковъ и возбудить народъ противъ нихъ. Ничего этого сдѣлано не было. За гробомъ никто уже не наблюдаетъ. Очевидно, враги Христа старались замѣть все дѣло, а иначе сразу бы обнаружилось, кто виновникъ сказки о похищеніи тѣла. Враги Христа сами боялись, что толпа народа растерзаетъ ихъ.

Если тѣло Иисуса Христа было похищено, то, конечно, учениками, что первосвященники и книжники и внушили воинамъ для разглашенія. Но, помимо всего сказаннаго, ни физически, ни нравственно нельзя допустить такого похищенія. Физически невозможно было, когда у гроба находилась стража, похитить тѣло. Если даже всѣ до одного спали, то и въ такомъ случаѣ сбить печать, отвалить огромный камень („бѣ бо велій зѣло“), снимать и раскладывать пелены, (а вѣдь онѣ оказались разложенными въ порядкѣ, Иоан. 20, 6—7), взять и унести тѣло—всего этого нельзя было сдѣлать такъ, чтобы не разбудить хотя одного изъ стражи. Похитителямъ, кто бы они ни были, какой смыслъ и какая нуж-

да было развязывать погребальныя пелены, класть ихъ въ одно мѣсто, а головной сударь или платъ въ другое, и такимъ образомъ терять драгоценное время и производить шорохъ и шумъ, которые могли разбудить воиновъ? А для всего этого, дѣйствительно, требовалось время и нѣкоторое усиліе, ибо мертвыхъ старательно обвязывали и обвивали пеленами, и когда Иисусъ Христосъ воскресилъ Лазаря, то умершій вышелъ, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами, и лицо его было убрисомъ (платкомъ) обвязано“, такъ что Спаситель сказалъ: „развяжите его, пусть идетъ“ (Иоан. 11, 44). Не только было опасно и рискованно развязывать и раскладывать пелены, но и бессмысленно было унести обнаженное тѣло, когда можно было его взять покрытымъ и обвязаннымъ. И нравственно невозможно допустить похищенія тѣла со стороны учениковъ. Если ученики до Христовыхъ страданій, когда Иисусъ Христосъ предсказывалъ о своей смерти и воскресеніи, даже не понимали, что значитъ воскреснуть изъ мертвыхъ (Марк. 9, 10, 31—32; Лк. 18, 31—34), если на третій день послѣ смерти, по свидѣтельству Иоанна Богослова (20, 9), они не знали, что Христосъ, по Писанію, долженъ былъ воскреснуть, то откуда у нихъ могла зародиться самая мысль, такъ сказать, подстроить воскресеніе Христа? Откуда у нихъ было взяться смѣлости? Разбѣжавшіеся изъ Геоспманскаго сада, при взятіи Иисуса Христа воинами, разочаровавшіеся въ мессіанскомъ достоинствѣ Его, подавленные страхомъ и запиравшіе двери „страха ради іудейска“, ученики Христовы не могли осмѣлиться и рѣшиться на такое рискованное дѣло, какъ похищеніе тѣла. Смотрите, съ какою горечью разочарованія и обманутыхъ надеждъ ученики, шедшіе въ Эммаусъ, говорятъ о Христѣ Христу же, не узнавши Его: „а мы надѣялись было, что Онъ есть тотъ, который долженъ былъ избавить Израиля“ (Лк. 24, 21)! Да и зачѣмъ бы ученикамъ похищать тѣло Иисусово? какія къ тому побужденія? Если они вполне разочаровались въ Иисусѣ Христѣ, какъ Мессіи, то зачѣмъ нужно было имъ Его тѣло?.. Мертвое тѣло ихъ Учителя не могло возратить имъ бодрости, вѣры, не могло придать имъ одушевленія. Земныхъ расчетовъ и выгодъ тоже не предвидѣлось: вѣдь апостолы, какъ показываетъ ихъ послѣдующая жизнь, отказались отъ нихъ, скитались, какъ бездомные нищія.

При обманномъ похищеніи тѣла Христа учениками, рѣшительно невозможно объяснить той перемѣны, которая произошла съ ними: изъ робкихъ, боязливыхъ рыбаковъ они превратились

въ самоотверженныхъ проповѣдниковъ ученія того человѣка, мертвое тѣло котораго они такъ недавно похитили. Когда члены синагога строго запретили ученикамъ говорить и учить объ имени Иисуса Христа, то Петръ и Иоаннъ смѣло сказали: „Судите, справедливо ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога? Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали“ (Дѣян. 4, 19—20). Когда же члены синагога во второй разъ запретили ученикамъ говорить объ имени Иисуса и, при этомъ, били ихъ, то ученики „пошли изъ синагога, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять безчестіе, и всякій день въ храмъ и по домамъ не переставали учить и благовѣствовать объ Иисусѣ Христѣ“ (5, 40—42). Неужели такое свитое дерзновение— послѣдствіе какого-то обмана?! Петръ даже отрекся трижды отъ Христа, испугавшись какой-то прислужницы; спустя же нѣсколько дней, этотъ же Петръ отрекается отъ своего народа, слившись съ горстью гонимыхъ проповѣдниковъ Христовой вѣры, а подъ конецъ жизни проситъ мучителей распять себя внизъ головою, считая себя недостойнымъ страдать такъ, какъ страдалъ его Учитель. Обманъ рѣшительно недопустимъ въ такихъ правдивыхъ, честныхъ, безупречныхъ людяхъ, какими мы знаемъ учениковъ Христа и въ ихъ жизни, и въ ихъ проповѣди. Вѣдь,—замѣтьте, сила апостольской проповѣди состояла въ томъ, что они всюду проповѣдовали не ученіе только, не мораль христіанскую, а именно Воскресшаго Христа. О воскресеніи Христа говоритъ предъ собравшимся народомъ ап. Петръ въ день Сшествія Св. Духа и даже приводитъ ветхозавѣтное пророчество о немъ; о воскресеніи говоритъ онъ и въ храмѣ послѣ исцѣленія хромого, въ обоихъ случаяхъ торжественно заявляя: „чему (т. е. тому, что Христосъ воскресъ) мы всѣ свидѣтели“ (Дѣян. 2, 32; 3, 15). О томъ же говорятъ апостолы и предъ членами синагога. И какимъ же образомъ въ основу этой открытой и всенародной проповѣди о воскресеніи Христа могъ быть положенъ *сознательный* обманъ?! „Донныѣ,—говоритъ одинъ изъ апостоловъ,—терпимъ голодъ, жажду и наготу, и побои, и скитаемся, работая своими руками. Злословятъ насъ, мы благословляемъ; гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимъ; мы какъ соръ для міра, какъ прахъ, всѣми попираемый донныѣ“ (1 Кор. 4, 11—13). Неужели все это— послѣ и ради обмана?! Какъ эти люди, укравшіе тѣло и разгласившіе, что Христосъ воскресъ, и, стало быть,—обманщики и лжецы, какъ они могли покорить весь міръ своею проповѣдью? Какъ этотъ обманъ

могъ воодушевлять неисчислимыя полки мучениковъ идти на всякія мученія и какъ онъ держитъ большую часть человѣчества вотъ уже почти двѣ тысячи лѣтъ?!

Если не ученики взяли тѣло Иисуса Христа изъ гроба, то кто же? можетъ быть, это сдѣлали враги Его—первосвященники и старѣйшины? Какъ ни странно это предположеніе, но и это предположеніе дѣлаютъ нѣкоторые отрицатели чуда воскресенія Христова. Врагамъ Христа было неприятно почетное погребеніе Его, и они, чтобы могила Христа не сдѣлалась мѣстомъ для сборищъ и паломничества друзей Его, придумали удалить тѣло изъ гроба и зарыть въ другомъ мѣстѣ или даже совсѣмъ уничтожить. Но врагамъ Христа нечего было бояться сборищъ на могилѣ: кому было собираться, когда самые близкіе ко Христу люди—ученики разбѣжались отъ Него, еще отъ живого!.. И дѣйствительно, на третій день ко гробу идутъ только немногія женщины, которыя крадутся туда рано, почти еще подъ покровомъ ночной темноты; а изъ учениковъ идутъ только Петръ и Иоаннъ и то—по извѣщенію Маріи Магдалины. Врагамъ Христа, знавшимъ про всѣ Его чудеса и не отрицавшимъ ихъ, нужно было бояться и тревожиться другого,—того, что было связано съ предсказаніемъ Христа о Его воскресеніи. Про это предсказаніе они хорошо знали и свои опасенія на этотъ счетъ высказали Пилату, почему и была приставлена стража ко гробу. Если же боязнь была связана съ мыслью о воскресеніи, то въ такомъ случаѣ было совсѣмъ безразсудно удалять тѣло изъ гроба и прятать его въ другое мѣсто, а, тѣмъ болѣе, уничтожать: нужно было непремѣнно беречь и охранять тѣло, что и было сдѣлано. Когда же разнеслась первая вѣсть о воскресеніи, то врагамъ Христа, если бы тѣло было въ цѣлости, нужно было показать его народу: „смотрите,—вотъ тѣло Того, о которомъ говорятъ, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ!.. Этого не было сдѣлано, ибо ни во гробѣ, ни въ другомъ какомъ—либо мѣстѣ тѣла Христа не было.

IX.

Но, можетъ быть, никто и не похищалъ тѣла Иисуса Христа? Можетъ быть, гробъ опустѣлъ потому, что Иисусъ Христосъ не умеръ на крестѣ, а только впалъ въ обморокъ, и въ такомъ видѣ былъ положенъ въ гробовую пещеру. Такъ утверждаютъ нѣкоторые. На крестѣ могли висѣть до трехъ сутокъ и оставаться въ живыхъ. Иосифъ Флавій рассказываетъ, что, по его хода-

тайству предъ императоромъ Титомъ, трое распятыхъ евреевъ были сняты съ крестовъ, и одинъ изъ нихъ, при тщательномъ уходѣ, былъ возвращенъ къ жизни. И Иисусъ Христосъ, положенный въ обморочномъ состояніи во гробъ, пришелъ въ Себя въ прохладной пещерѣ подъ вліяніемъ совершенныхъ надъ Нимъ омовеній и ароматическихъ притираній, вышелъ изъ пещеры и потомъ, съ предосторожностями и опасаясь враговъ, изрѣдка являлся ученикамъ.

Но стоитъ только припомнить всѣ обстоятельства распятія и смерти Иисуса Христа, чтобы убѣдиться, какъ нелѣпы всѣ подобныя предположенія. Воины пришли на Голгоу и перебили голени обоимъ распятымъ разбойникамъ. „Но пришедши къ Иисусу, какъ увидѣли Его уже умершимъ, не перебили у Него голени; но одинъ изъ воиновъ копьемъ пронзилъ Ему ребра, и тотчасъ истекла кровь и вода. И видѣвшій (т. е. евангелистъ Іоаннъ) засвидѣтельствовалъ и истинно свидѣтельство его; онъ знаетъ, что говоритъ истину, дабы вы повѣрили“ (Іоан. 19, 33—35). Самъ по себѣ ударъ въ бокъ, нанесенный воиномъ, былъ смертеленъ. Но вѣдь до этого Спаситель терпѣлъ пѣлую ночь физическія и нравственныя страданія, такъ что даже упалъ подъ тяжестью креста, потомъ былъ распятъ и висѣлъ на крестѣ отъ утра до часа вечерняго, когда, по сказанію евангелиста Луки, Онъ возгласилъ громкимъ голосомъ: „Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой“. Сказавши эти слова, Онъ испустилъ духъ (Лук. 23, 46). Пилатъ удивился скорой смерти Иисуса Христа, когда Іосифъ Аримаѳейскій пришелъ просить Его тѣла, и отдать тѣло Іосифу только тогда, когда получить, такъ—сказать, официальное донесеніе о смерти отъ сотника, испытаннаго въ подобныхъ дѣлахъ римскаго воина. Кромѣ этого, какъ Спаситель, обезсиленный и полуживой, могъ оттолкнуть огромный камень, выйдти изъ пещеры и остаться незамѣченнымъ стражей? Физически невозможно допустить, чтобы полуживой мертвецъ, съ пробитыми насквозь гвоздями ногами, могъ совершать быстрые переходы и оказываться въ тотъ же день то въ Іерусалимѣ, то въ Еммаусѣ,—больше 10 верствъ отъ Іерусалима, то въ Галилеѣ. „Человѣкъ съ пробитыми ногами,—говоритъ одинъ медикъ (проф. Шилтовъ),—не только не могъ бы пройти на третій день нѣсколько верствъ, но, съ медицинской точки зрѣнія, онъ не могъ бы и стоять на ногахъ раньше мѣсяца послѣ снятія его съ креста“.

Обратимъ вниманіе на нравственную сторону дѣла. Если предположить, что Иисусъ Христосъ не умеръ, то вѣдь опять въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обманомъ, съ обманщиками и лжецами. Освободившись изъ погребальнаго пещеры, Иисусъ Христосъ долженъ былъ обманывать учениковъ, выдавая Свое выздоровленіе за воскресеніе,—долженъ былъ, послѣ нѣсколькихъ явленій имъ, навсегда скрыться отъ нихъ и жить въ неизвестности. Но,—какъ мы уже видѣли выше,—никто не рѣшится признать обманщикомъ Христа: вѣдь и отрицающіе Его божество считаютъ Его образцемъ нравственного совершенства. Да и какое впечатлѣніе могъ произвести полуживой, обезсиленный учитель на Своихъ учениковъ! Могъ ли Онъ вдохнуть въ нихъ бодрость и прогнать ихъ уныніе?! Когда Христосъ, дошедшій съ двумя учениками до Еммауса послѣ преломленія хлѣба сталъ невидимъ, то ученики воскликнули: „не горѣло ли въ насъ сердце наше, когда Онъ говорилъ намъ на дорогѣ и когда изъяснялъ намъ Писанія“ (Лк. 24, 32)? Неужели это горѣніе сердецъ учениковъ могъ возбудить полуживой человѣкъ, недавно снятый съ креста и вышедшій изъ могилы?! Повторимъ то, что говоритъ самъ Штраусъ (написавшій, подобно Реназу, „Жизнь Иисуса“) по этому поводу: „Вышедшій изъ гроба полумертвымъ, ходящій въ болѣзненномъ видѣ, нуждающійся во врачебныхъ пособіяхъ, перевязкахъ, подкрѣпленіи и уходѣ за Нимъ и, наконецъ, изнемогающій отъ страданій никакъ не могъ бы проповѣстивъ на учениковъ того впечатлѣнія Побѣдителя надъ смертію и гробомъ, Владыки жизни, которое служило основаніемъ дальнѣйшей ихъ дѣятельности“. Увидѣвши Христа полуживымъ, разбитымъ, ученики должны были еще болѣе убѣдиться, что дѣло Его безвозвратно погибло.

Итакъ, живоносный гробъ Христа, опустѣвшій на третій день послѣ Его смерти, и пелены, лежавшія тамъ, немолчно проповѣдуютъ о томъ, что Христосъ воскресъ. Св. Іоаннъ Дамаскинъ, великій творецъ церковныхъ пѣсней, такъ говоритъ: „Твои ученицы, зряще отверзены гробъ Твой и богоносныя плащаницы испражнены (освобожденныя) воскресеніемъ Твоимъ, со ангеломъ глаголаху: воистину воста Господь“ (Канонъ воскр., четверт. гл., пѣснь 9).

X.

Не одинъ гробъ Иисуса Христа, опустѣвшій на третій день послѣ Его смерти, проповѣдуетъ о Его воскресеніи: Иисусъ

Христосъ много разъ являлся послѣ воскресенія ученикамъ, женамъ—мироносицамъ, вѣрующимъ въ большомъ количествѣ (болѣе 500 человекъ). Объ этихъ явленіяхъ говорятъ всѣ четыре евангелія, говоритъ книга Дѣяній Апостоловъ, говоритъ ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ.

Увидѣвши своего Учителя живымъ, ученики повѣрили Его воскресенію. Если же Христосъ не воскресалъ, то какъ Онъ могъ являться? чѣмъ объяснить эти явленія и вѣру учениковъ въ Его воскресеніе? Люди невѣрующіе, не отрицая рассказовъ евангелистовъ о явленіяхъ Христа послѣ Его смерти и не отрицая вѣры учениковъ въ Его воскресеніе, успиваются по-своему объяснить то и другое.

Ученики были подавлены ужасною кончиною своего Учителя. Но вскорѣ они стали приходять въ себя и стали раздумывать о случившемся. Они не могли примириться съ мыслью, что дѣло ихъ Учителя, Который произвелъ полный переворотъ въ ихъ душевномъ мірѣ, навсегда погибло. И вотъ, они обратились къ священнымъ книгамъ Ветхаго Завѣта и тамъ натолкнулись на тѣ мѣста, гдѣ говорится о прославленіи и торжествѣ страждущаго Мессіи надъ своими врагами. Тутъ-то и возникла, развила и окрѣпла въ нихъ мысль о воскресеніи Христа. Идея о необходимости воскресенія Мессіи такъ овладѣла учениками, они такъ на ней сосредоточились, что стали видѣть призраки и галлюцинаціи, и эти призраки стали считать за воскресшаго Христа. Такъ думаетъ Штраусъ. Началось съ экзальтированной и истеричной Маріи Магдалины, которой Э. Ренанъ (популяризаторъ указанной теоріи Штрауса) первой приписываетъ „легенду“, — какъ онъ выражается, — о воскресеніи Христовомъ. Впрочемъ, еще Цельсъ, какъ мы видѣли, говорилъ: „Кто видѣлъ все это? безумная, изступленная женщина“.

Но какъ фантастично и неправдоподобно это предположеніе! Въ немъ болѣе чудеснаго, чѣмъ въ евангельскихъ рассказахъ о воскресеніи Христовомъ. Зачѣмъ же представлять апостоловъ слаонервными, истеричными людьми, почти психопатами, когда они на самомъ дѣлѣ были здоровыми, уравновѣшенными? Вѣдь они же были простые рыбаки, дѣти природы, выросшія на берегахъ Галилейскаго моря. Они даже снова принялись за свой рыбачій промыселъ уже послѣ воскресенія Христова, вмѣсто того, чтобы изучать писанія Ветхаго Завѣта (Іоан. 21, 2—3). Особенно неправдоподобно представляется душевное состояніе апостоловъ

послѣ смерти Иисуса Христа. Мы уже видѣли, что самая мысль о воскресеніи Христа была имъ совершенно чужда и даже непонятна. Когда, послѣ Преображенія на горѣ, Спаситель запретилъ ученикамъ рассказывать о томъ, что они видѣли, доколѣ Онъ не воскреснетъ изъ мертвыхъ, ученики спрашивали другъ друга: „что значитъ воскреснуть изъ мертвыхъ“ (Мр. 9, 9—10)? Такъ было до страданій Христа; такъ было и послѣ Его смерти. Почему же это? Да по той простой причинѣ, что они, раздѣлявшіе общія воззрѣнія на Мессію, какъ на земного царя, не могли допустить и мысли о томъ, что Мессія можетъ умереть, ибо Онъ долженъ царствовать вѣчно. Если же Мессія не можетъ умереть, то какъ же Онъ воскреснетъ изъ мертвыхъ? Если же Иисусъ Христосъ умеръ, то, значитъ, Онъ и не Мессія. Ученики не только не изучали ветхозавѣтныхъ Писаній о воскресеніи, но евангелистъ Іоаннъ прямо утверждаетъ: „не у бо вѣдаху Писанія, яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути“; они (т. е. Петръ и Іоаннъ, прибѣжавшіе ко гробу и съ удивленіемъ увидѣвшіе одніе погребальныя пелены, разложенныя въ порядкѣ) *еще не знали* изъ Писанія, что Ему надлежало воскреснуть изъ мертвыхъ“ (Іоан. 20, 9). Ученики не могли дойти до мысли о воскресеніи съ вечера пятницы до утра перваго дня недѣли или воскресенья. Углубленіе въ ветхозавѣтныя Писанія требовало во-первыхъ времени, во-вторыхъ—спокойствія духа: ни того, ни другого не было у апостоловъ, которые прятались и запирались „страха ради іудейска“.

Мы уже видѣли, что ученики, послѣ смерти Иисуса Христа, были подавлены, разочарованы, разбиты, не думали о воскресеніи. Стало быть, никакой почвы для истеричности, для призраковъ и галлюцинацій не было. А самая теорія призраковъ и галлюцинацій какъ неправдоподобна! Призракъ является то нѣсколькимъ женамъ—мироносицамъ (Мр. 28, 9—10), то одной Маріи Магдалинѣ (Іоан. 20, 11—17), то всѣмъ ученикамъ (19—29), то Петру (Лк. 24, 34; 1 Кор. 15, 5), Іакову (1 Кор. 15, 7), двумъ ученикамъ на пути въ Еммаусъ (Лк. 24, 13—31), болѣе чѣмъ 500 братій (1 Кор. 15, 6); вообще является въ теченіе сорока дней много разъ (Дѣян. 1, 3). Апостолъ Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринтянамъ особенно отмѣчаетъ явленіе воскресшаго Христа 500 братіямъ, изъ которыхъ въ его время только немногіе умерли, а большинство были живы. Къ этимъ живымъ свидѣтелямъ онъ и отсылаетъ сомнѣвающихся въ воскресеніи Христовомъ. Наконецъ, призракъ является

Савлу (Дѣян. 9, 3—17; 22, 6—21; 26, 13—18; 1 Кор. 15, 8; Дѣян. 23, 11), который не только не думалъ о воскресеніи Христа, но яростно отрицалъ его и отправлялся въ Дамаскъ, чтобы именно гнать и казнить послѣдователей воскресшаго Христа. Какъ могли люди въ теченіе долгаго времени такъ обманываться, и какъ, напримѣръ, не нашлось изъ 500 человекъ ни одного, который бы догадался, что это только призракъ! Галлюцинаціи бываютъ обыкновенно или зрительныя, или слуховыя, или осязательныя. А въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ необыкновенное совмѣщеніе всѣхъ этихъ галлюцинацій и притомъ у многихъ людей: ученики видятъ Учителя, слышатъ Его голосъ, осязаютъ Его. Иисусъ Христосъ не только является, даетъ Себя осязать, но и ѣстъ рыбу и медъ, чтобы убѣдить учениковъ, что Онъ именно не призракъ (Лк. 24, 39—43), и говоритъ то, что превышало уровень ихъ пониманія: Онъ посылаетъ ихъ ко всѣмъ народамъ учить и крестить во имя Отца и Сына и Св. Духа (Мѡ. 28, 19). Когда въ исторіи человечества бывали подобныя галлюцинаціи!

Тѣ, кто утверждаютъ, что ученики Христа были очень заняты мыслью о воскресеніи Его и, подъ вліяніемъ этого, стали видѣть призраки, упускаютъ изъ вида главное: ученики нѣкоторое время *упорно не вѣрили* воскресенію Иисуса Христа. Марія Магдалина бѣжитъ съ извѣстіемъ, что Иисусъ Христосъ живъ, и что она видѣла Его; ученики не вѣрятъ. Нѣсколько мирноносцевъ подтверждаютъ ученикамъ тоже, и ихъ слова кажутся ученикамъ пустыми, и они не вѣрятъ имъ (Лк. 24, 11). Иисусъ Христосъ является двумъ ученикамъ, идущимъ въ селеніе; они возвращаются въ Иерусалимъ и рассказываютъ остальнымъ ученикамъ, и это извѣстіе не убѣждаетъ ихъ, и они не даютъ ему вѣры (Мр. 16, 13). Спаситель является всѣмъ ученикамъ и ведетъ Себя осязать, ѣстъ предъ ними и обличаетъ ихъ упорное невѣріе,—что они, видя Его воскресшимъ, не вѣрятъ (Лк. 24, 36—43; Мр. 16, 14). Ученики рассказываютъ Ѳомѣ, который не присутствовалъ при явленіи: „мы видѣли Господа“; но Ѳома рѣшительно заявляетъ: „если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей, и не вложу перста моего въ рану отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его, не повѣрю“ (Іоан. 20, 25). И Господь, явившись въ восьмой день по воскресеніи, далъ Ѳомѣ осязать Свои раны, Свой прободенный бокъ, и только тогда „невѣрный“ Ѳома воскликнулъ: „Господь мой и Богъ мой“ (28)! Какъ примирить такое настроеніе учениковъ, которые упорно отказывались вѣрить

воскресенію Христову, съ приписываемыми имъ истеричностью, галлюцинаціями,—съ тѣмъ, что они яко-бы раздумались, размечтались о воскресеніи Христа!..

Наконецъ, вообще, если бы ученики Иисуса Христа украли Его тѣло, если бы они видѣли Его только пришедшимъ въ Себя послѣ обморока, если бы они находились подъ вліяніемъ призраковъ и галлюцинацій, то имъ, заинтересованнымъ въ распространеніи вѣсти о воскресеніи Христа, во всѣхъ этихъ случаяхъ нужно было бы скрывать свои сомнѣнія и свое невѣріе; а они чистосердечно и прямо говорятъ объ этомъ. Какъ все это далеко отъ обмана, какой-либо преднамѣренности и самообольщенія! Да, сначала ученики сами не вѣрили воскресенію Христа, а потомъ повѣрили, и повѣрили не сразу, а—тогда, когда дѣйствительно убѣдились въ истинѣ воскресенія. Эту свою вѣру въ Воскресшаго они съ одушевленіемъ проповѣдали всему міру. Хорошо это выражено въ воскресномъ канонѣ 7-го гласа (пѣснь 6-я): „Ко одушевленному Твоему (обращеніе ко Христу) и нерукотворенному храму (т. е. тѣлу), разрушену бывшу страданіи, воззрѣти пакы ликъ апостольскій отчаяся; но паче надежды поклонся, воскресша повсюду проповѣда“. Вотъ, эта вѣра учениковъ и Церкви на протяженіи почти двухъ тысячъ лѣтъ въ воскресеніе Христово такъ важны, что, если бы о немъ и о явленіяхъ Христа послѣ воскресенія даже умолчали евангелія, то и этой одной вѣры было бы для насъ достаточно. И намъ остается съ твердымъ и одушевленнымъ убѣжденіемъ воскликнуть: „да, воистину Христосъ воскрес!“ Вотъ почему такъ свѣтло празднуетъ христіанская Церковь Воскресеніе Христово. Воскресши, Иисусъ Христосъ показалъ, что Онъ дѣйствительно есть Сынъ Божій и Богъ. И вотъ почему въ свѣтоносный день Пасхи, на литургіи въ евангеліи Іоанна возглашается: „Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово (то-есть Иисусъ Христосъ) было Богъ“ (Іоан. 1, 1).

XI.

Какъ самъ Иисусъ Христосъ смотрѣлъ на Себя и за кого Себя выдавалъ? Этотъ вопросъ весьма важный, ибо Ренанъ, Л. Толстой и всѣ вообще рационалисты утверждаютъ, что Христосъ никогда Себя за Бога не выдавалъ, что это Ему приписали и даже навязали люди, что Онъ называлъ Себя „Сыномъ Человѣческимъ“. Наименованіе же „Сынъ Божій“, встрѣчающееся въ Евангеліи, будто-бы нужно понимать въ смыслѣ нравственномъ: всѣ люди

могутъ быть названы сынами Божиими, поскольку въ нихъ есть божеское начало, и поскольку они повинуются волѣ Божіей... А Бога, конечно, нужно понимать не въ привычномъ для насъ смыслѣ личнаго верховнаго существа, а въ пантеистическомъ смыслѣ безличной міровой силы. Поэтому, называя Себя „Сыномъ Божиимъ“, —думаетъ, напр., Л. Толстой,—Христосъ разумѣлъ только перевоплощеніе безличнаго мірового духа, который и есть божество.

Если мы обратимся къ Евангелію, то, съ одной стороны, найдемъ такія мѣста, гдѣ Спаситель заявляетъ о Себѣ, какъ Сынѣ Божіемъ и Богѣ, а съ другой—замѣтимъ, что Онъ какъ бы скрываетъ Свое Божественное достоинство, избѣгая прямо называть Себя Богомъ.

Даже при бѣгломъ просмотрѣ Евангелія мы увидимъ, что Иисусъ Христосъ смотрѣлъ на Себя, какъ на небеснаго посланника, и говорилъ о Себѣ, какъ существѣ высочайшемъ, необыкновенномъ, безмѣрно превосходящемъ всѣхъ людей. „Я сошелъ съ небесъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца“ (Іоан. 6, 38,—3, 13). Въ притчѣ „о минахъ“ Онъ изображаетъ Себя подъ видомъ „человѣка высокаго рода“, который отправился въ дальнюю страну, чтобы получить себѣ царство и возвратиться (Лк. 19, 12). Онъ,—по Его словамъ,—болѣе Іоны, отъ проповѣди котораго покаялись жители Ниневіи,—болѣе Соломона, послушать котораго приходила царица Савеевъ. Современники Иисуса Христа—иудеи потому и будутъ осуждены, что Финевитяне и царица Савеевъ преклонились предъ обыкновенными, смертными людьми, а они не хотятъ знать Его, Который превосходитъ этихъ смертныхъ людей (Мѣ. 12, 14—42). Если бы Христосъ былъ *только* человѣкъ, то какъ понять это Его превозношеніе даже надъ великими людьми древности? Онъ называетъ Себя господиномъ субботы (Мѣ. 12, 8), т. е. всего ветхозавѣтнаго закона; называетъ Себя пастыремъ, а людей овцами и даже предвидитъ наступленіе такого времени, когда будетъ едино стадо и одинъ Пастырь (Іоан. 10, 14; 16). Кто изъ смертныхъ дерзалъ думать и говорить, что онъ соберетъ людей во едино стадо! Иисусъ Христосъ говоритъ ученикамъ и всѣмъ людямъ, чтобы они никого не называли учителемъ и наставникомъ, потому что всѣ—братья, а надъ всѣми возвышается одинъ учитель и наставникъ—Христосъ (Мѣ. 23, 8; 10). Какъ все это примирить со смиреннымъ настроеніемъ Того, Который умылъ ноги ученикамъ и училъ, что всякій возносящійся смирится, а смиряющій себя воз-

несется (Мѣ. 23, 12; Лк. 14, 11; 18, 14)?.. Въ устахъ Его это не есть превозношеніе, а обнаруженіе величайшей истины.

Какъ существо высшее всѣхъ людей, Иисусъ Христосъ чувствуетъ и сознаетъ, что Онъ близокъ всѣмъ людямъ, дорогъ для нихъ, кто бы они ни были и когда бы они ни жили, если только не огрубѣло сердце ихъ, и не сомкнули они глазъ своихъ, чтобы не видѣть, и не закрыли ушей своихъ, чтобы не слышать (Мѣ. 13, 15; Іоан. 12, 40). И потому Онъ свидѣтельствуемъ, что жизнь вѣчная въ томъ состоитъ, чтобы знать единаго истиннаго Бога и посланнаго Имъ Иисуса Христа (Іоан. 17, 3). Поэтому, видѣть Его—Христа, слышать, быть близкимъ къ Нему—это есть величайшее счастье для человѣка. „Ваши блаженны очи, что видятъ,—обратился Онъ однажды къ ученикамъ Своимъ,—и уши ваши, что слышатъ. Ибо истинно говорю вамъ, что многіе пророки и праведники желали видѣть, что вы видите, и не видѣли, и слышать, что вы слышите, и не слышали“ (Мѣ. 13, 16—17; Лк. 10, 23—24). И особенно блаженны тѣ, которые, не видѣвши Его, повѣровали въ Него (Іоан. 20, 29). „Я—дверь овцамъ“, „Я—свѣтъ міру“, „Я—хлѣбъ жизни“—вогъ обычные изреченія Спасителя. Вся Его прощальная бесѣда съ учениками, которой мы съ сердечнымъ трепетомъ внимаемъ во время перваго страстнаго евангелія, проникнута одною мыслью, что спасеніе человѣка въ Немъ—Христѣ, въ любви къ Нему, въ единеніи съ Нимъ. Эта мысль столь некрепкожна, что Христосъ—Спаситель считаетъ неизбѣжнымъ со стороны человѣка принесеніе въ жертву Ему всѣхъ самыхъ дорогихъ привязанностей человѣка и даже самой жизни. „Если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ“ (Лк. 14, 26). Самоотверженіе и несеніе креста своего—вогъ путь слѣдованія за Нимъ. „Кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною“ (Мр. 8, 34). Говорили ли такъ о себѣ какой-либо человѣкъ въ мірѣ? И, если бы говорили, то, какъ бы онъ ни былъ великъ, не прозвучали ли бы его слова, какъ странное самохвальство и необъяснимое самообольщеніе?! Отчего же въ устахъ Христа въ этихъ словахъ не звучитъ и тѣни самохвальства, а звучитъ кроткій, любящій и вмѣстѣ властный призывъ, которому люди съ умиленіемъ и восторгомъ слѣдовали и будутъ слѣдовать до положенія самой жизни?! Оттого, что между самыми великими людьми и Христомъ,—человѣ-

ческое сердце это чувствует,—существует незамѣримое расстояние.

И вотъ, Христосъ—Спаситель призываетъ къ Себѣ всѣхъ людей, весь міръ, какъ никто еще изъ людей никогда не призываетъ и не будетъ призывать. „Аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и піеть“ (Іоан. 7, 37). „Приидите ко Мнѣ вси труждающіи и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себе, и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ“ (Мѣ. 11, 28—29). Кто изъ людей всего міра, которыхъ принято называть „великими“,—Конфуцій, Будда, Магометъ, Сократъ, Гомеръ, Шекспиръ, Толстой, Рафаэль, Александръ, Наполеонъ и др.,—могъ бы такъ сказать отъ своего имени и своего лица?.. И не показались ли бы въ устахъ хотя бы и великихъ людей эти слова, обращенныя къ труждающимся и обремененнымъ, глумленіемъ, насмѣшкой, дерзостью для скорбящаго человѣческаго сердца, которое, слыша ихъ изъ устъ Христовыхъ, испытываетъ отраду и утѣшеніе?! Зоветь Христосъ къ Себѣ дѣтей всего міра: „пустите дѣтей приходите ко Мнѣ, и не препятствуйте имъ“ (Мр. 10, 14). И дѣти... о, они хорошо понимаютъ и чувствуютъ этотъ призывъ Христа: объ этомъ говорятъ ихъ не—подѣтски серьезные глазки, ихъ умилыныя лички, когда имъ рассказываютъ о Христѣ.

XII.

Иисусъ Христосъ говоритъ ученикамъ и народу, возвѣщаетъ всему міру ясно и „не обвиняясь“, что Онъ—Сынъ Божій. Это наименованіе „Сынъ Божій“ Онъ Самъ понималъ, понимали Его слушатели, и намъ должно понимать въ буквальномъ, а не въ какомъ-либо переносномъ смыслѣ.

Будучи еще 12 лѣтъ и находясь въ Іерусалимскомъ храмѣ, Онъ называетъ въ словахъ, обращенныхъ къ Своей Матери, Бога Отцемъ Своимъ (Лк. 2, 49). Если Ренанъ и другіе утверждаютъ, что вѣру въ Себя, какъ Сына Божія, Христу внушили и навязали люди, то какъ и когда они могли это внушить 12-лѣтнему мальчику, который постоянно жилъ въ глухомъ Назаретѣ, гдѣ всѣ Его считали сыномъ плотника Іосифа и Маріи (Мѣ. 13, 55)? Придя въ возрастъ и выступивши открыто на проповѣдь, Иисусъ Христосъ изгоняетъ торгующихъ изъ храма, въ которомъ проповѣдовалъ 12-лѣтнимъ отрокомъ, называя храмъ домомъ Отца Своего: „Возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не дѣлайте до-

момъ торговли“ (Іоан. 2, 16). Какой бы другой человекъ, хотя бы онъ и называлъ Бога отцемъ своимъ, могъ и рѣшился такъ властно распорядиться въ храмѣ и называть его „домомъ Отца Моего!“.

Когда апостолъ Петръ на вопросъ сборщиковъ подати на храмъ—„Учитель вашъ не дастъ ли дидрахмы?“—отвѣтилъ утвердительно, то Спаситель далъ ему понять, что, какъ сыны земныхъ царей свободны отъ податей, такъ и Онъ, какъ Сынъ Бога Отца, Которому принадлежитъ храмъ, свободенъ отъ подати на этотъ храмъ и, если платитъ ее, то только для того, чтобы не соблазнить людей (Мѣ. 17, 24—27). Здѣсь Христосъ не только исповѣдалъ Себя Сыномъ Божиимъ, но и выдѣлилъ Себя изъ среды людей, которые несвободны отъ подати на храмъ Отца Его, проводя параллель между Собою и сыновьями земныхъ царей, превосходящими подданныхъ ихъ отцовъ. И вездѣ, въ Евангеліи мы видимъ, что Христосъ—Спаситель, когда называетъ Бога Отцемъ Своимъ, рѣзко выдѣляетъ Себя изъ среды людей. И это нисколько не протворѣчитъ Его величайшему смиренію, ибо этимъ, какъ и выше мы видѣли, Онъ только свидѣтельствуетъ непреложную истину. Говоря о Себѣ, Онъ выражается: „Отецъ Мой“, говоря о людяхъ:—„Отецъ вашъ“, но не говоритъ: „Отецъ нашъ“. „Восхожу къ Отцу Моему и Отцу вашему“,—говоритъ Онъ Маріи Магдалинѣ въ саду, около Своего гроба (Іоан. 20, 17). Только въ одномъ мѣстѣ, въ молитвѣ, данной людямъ, Онъ употребляетъ выраженіе: „Отче нашъ“. Но здѣсь Онъ говоритъ отъ имени людей, которые просили Его: „Господи! научи насъ молиться“ (Лк. 11, 1), и на эту просьбу отвѣчаетъ: „когда молитесь, говорите: Отче нашъ, сущій на небесахъ!“ (2). Что Иисусъ Христосъ называетъ Себя Сыномъ Божиимъ не въ томъ смыслѣ, какъ всѣ люди, которые суть сыны Божіи по благодати Божіей и милости, а въ смыслѣ исключительномъ, который указываетъ на Его особенныя, личныя отношенія къ Богу Отцу,—видно изъ того, что Онъ называетъ Себя Сыномъ Божиимъ *Единороднымъ*. „Такъ возлюбилъ Богъ міръ,—говоритъ Онъ Никодиму,—что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 3, 16). „Вѣрующій въ Него не судится, а невѣрующій уже осужденъ, потому что не увѣровалъ во имя Единороднаго Сына Божія“ (18). А въ притчѣ о злыхъ виноградаряхъ, изображая Себя подъ образомъ сына, Христосъ говоритъ: „имѣя еще одного сына, любезнаго ему, (госпо-

динь винограда) напоследок послалъ и его къ нимъ, говоря: постыдятся сына моего“ (Мр. 12, 6). И виноградари хорошо поняли, что этотъ новый посланникъ не равный имъ и приходившимъ до него рабамъ, а „наслѣдникъ“, почему они и убили его, чтобы завладѣть его наслѣдствомъ (7—8). Объ этомъ Сынъ и говоритъ ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ,—что Богъ поставилъ Его „наслѣдникомъ всего“ и „чрезъ Него и вѣки сотворилъ“. (1, 2). Нужно совершенно исказить и извратить Евангеліе, чтобы наименованіе Спасителя Себя Сыномъ Божиимъ толковать въ какомъ-то переносномъ смыслѣ, а тѣмъ болѣе—въ пантеистическомъ смыслѣ какой-то міровой эволюціи какого-то мірового духа, какъ думаетъ Л. Толстой. „Я изшелъ отъ Отца и пришелъ въ міръ; и опять оставляю міръ, и иду къ Отцу“ (Іоан. 16, 28). Развѣ это и всѣ подобныя изреченія Христа не обозначаютъ Его личной жизни, личныхъ и исключительныхъ Его отношеній къ Богу Отцу?... Но, увы, всѣмъ раціоналистамъ и пантеистамъ хочется не только отношенія Христа къ Богу Отцу, но и всѣ наши человѣческія отношенія къ Нему же погрузить въ ту буддійскую туманность и неразбериху, въ которыхъ не только исчезаетъ все личное, но и само божество сводится къ нулю.

Свидѣтельствуя о Себѣ, какъ Сынъ Божіемъ и Богъ, Иисусъ Христосъ и отъ людей принималъ такія же свидѣтельства, одобряя и восхваляя ихъ. Наанаилъ, удивленный всевѣдніемъ Иисуса изъ Назарета, воскликнулъ: „Равви! Ты еси Сынъ Божій, Ты еси Царь Израилевъ“ (Іоан. 1, 49). Послѣ проповѣди о причащеніи Тѣла и Крови, когда многіе изъ учениковъ отошли отъ Христа и не ходили съ Нимъ, и когда Онъ сказалъ двѣнадцати: „не хотите ли и вы отойти?“—Петръ отвѣтилъ: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни. И мы увѣровали и познали, что Ты—Христосъ, Сынъ Бога живаго“ (6, 66—69). Въ другой разъ Иисусъ Христосъ самъ поставилъ предъ учениками вопросъ о Своемъ достоинствѣ: „за кого люди почитаютъ Меня, Сына Человѣческаго“?.. Когда ученики отвѣтили, что люди думаютъ о Немъ различно, то Онъ опять ихъ спросилъ: „а вы за кого почитаете Меня?“ Тогда Симонъ Петръ сказалъ: „Ты—Христосъ, Сынъ Бога живаго“. Это былъ великій моментъ земной жизни Спасителя: Онъ слышалъ отъ учениковъ въ лицѣ Петра торжественное признаніе Себя Сыномъ Божиимъ. То, что утаилось отъ премудрыхъ и разумныхъ, открылось младенцамъ (Мѡ. 11, 25). И потому Господь не только не остановилъ Петра, но съ вооду-

шевленіемъ воскликнулъ: „блаженъ ты Симонъ, сынъ Іонинъ! потомучто не плоть и кровь (т. е. не люди) открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ“ (Мѡ. 16, 13—17). Были случаи, когда ученики, пораженные чудесами своего Учителя, всѣ единодушно восклицали: „истинно Ты—Сынъ Божій!“ Такъ было послѣ чудеснаго хожденія Иисуса Христа по водамъ, когда ученики, принявши Его въ лодку, поклонились Ему и такъ воскликнули (Мѡ. 14, 33). Марѡа, сестра Лазаря, встрѣчая Иисуса Христа при входѣ въ Віфанію, сказала Ему: „Господи! я вѣрую, что Ты—Христосъ, Сынъ Божій, грядущій въ міръ“ (Іоан. 11, 27). И мы ни въ одномъ случаѣ не видимъ, чтобы Иисусъ Христосъ говорилъ тѣмъ, кто Его называли Сыномъ Божиимъ, что они неправильно такъ Его называютъ и исповѣдуютъ. А это Онъ долженъ былъ бы сдѣлать, если бы Онъ былъ обыкновенный человекъ, а не Сынъ Божій,—долженъ былъ сдѣлать, какъ дѣлаетъ всякій честный человекъ, когда видитъ, что люди приписываютъ ему то, чего онъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ. Напротивъ, какъ Онъ съ умиленіемъ призываетъ исповѣданіе Петра откровеніемъ свыше, такъ одобряетъ и Наанаила, такъ принимаетъ и сердечный порывъ Ѳомы, который воскликнулъ: „Господь мой и Богъ мой“ (Іоан. 20, 28)! И только бѣсамъ Онъ строго запрещалъ исповѣдовать Себя Сыномъ Божиимъ (Мр. 1, 34; 3, 12; Лк. 4, 41). Людямъ же, которые еще не постигали Его Божественнаго достоинства, но которые къ этому были подготовлены, Онъ открывалъ Себя не какъ простаго человека, а какъ Сына Божія. „Ты вѣруешь ли въ Сына Божія?“—спрашиваетъ Онъ исцѣленнаго слѣпорожденнаго.—А кто Онъ, Господи, чтобы мнѣ вѣровать въ Него?—спрашиваетъ тотъ. „Иисусъ сказалъ ему; и видѣлъ ты Его, и Онъ говоритъ съ тобою“. Тогда исцѣленный воскликнулъ: „вѣрую Господи! и поклонился Ему“ (Іоан. 9, 35—38). Такимъ же образомъ, Иисусъ, открывшись самарянкѣ у колодца, какъ Мессія—Христосъ: „это Я, который говоритъ съ тобою“ (4, 26), принимаетъ радостное исповѣданіе и всѣхъ самарянъ, которые, въ Его присутствіи, говорятъ женщинамъ: „уже не по твоимъ рѣчамъ вѣруемъ, ибо сами слышали и узнали, что Онъ истинно Спаситель міра, Христосъ“ (42). А врагамъ Своимъ—іудеямъ, которые именно не хотѣли помириться съ Его достоинствомъ Сына Божія, Онъ не говоритъ, что они не такъ Его понимаютъ, а утверждаетъ это достоинство, ссылаясь, во-первыхъ, на свидѣтельство Іоанна Крестителя, а во-вторыхъ на Свои чудеса (Іоан. 5, 31—36). Что же го-

ворилъ Іоаннъ Креститель? Онъ говорилъ всеуслышаніе на берегахъ Іордана; „Я не зналъ Его; но пославшій меня крестить въ водѣ (т. е. Богъ-Отецъ) сказалъ мнѣ: на кого увидишь Духа сходящаго и пребывающаго на Немъ, Тотъ есть крестящій Духомъ Святымъ. И я видѣлъ, и засвидѣтельствовалъ, что Сей есть Сынъ Божій“ (Іоан. 1, 33—34). О чемъ говорятъ чудеса Христовы, мы уже видѣли.

Въ предсмертныя часы Своей земной жизни, когда всякому даже обыкновенному человѣку, подводящему итоги своей жизни, свойственно быть и оставаться только тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, Іисусъ Христосъ не только не отрекается отъ Своего достоинства Сына Божія, но исповѣдуетъ его непреложно. На судѣ первосвященникъ спросилъ Его: „Ты ли Христосъ, Сынъ Благословеннаго?“ Іисусъ отвѣтилъ: „Я“, и какъ бы жезая показать, что Его слова нужно понимать прямо и буквально, добавляетъ. „и вы узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ“ (Мр. 14, 62—65). Эти-то послѣднія слова Іисуса Христа показываютъ, что и наименование „Сынъ Человѣчскій“, которое Онъ любилъ прилагать къ Себѣ, имѣетъ особенный смыслъ и обозначаетъ не человѣческое,—какъ думаютъ тѣ, кто не хочетъ признать Христа Богомъ,—а именно Божественное или,—лучше сказать,—Богочеловѣческое; Его достоинство. Этими словами Іисусъ Христосъ хотѣлъ сказать, что Онъ есть тотъ самый Сынъ Человѣчскій, Котораго видѣлъ когда-то пророкъ Давидъ. „Видѣлъ я въ (ночныхъ видѣніяхъ,—читаемъ въ книгѣ этого пророка (7, 13—14),—вотъ, съ облаками небесными шель какъ бы Сынъ Человѣчскій, дошелъ до Ветхаго днями (Бога—Отца), и подведенъ былъ къ Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы всѣ народы, племена и языки служили Ему; владычество Его владычество вѣчное, которое не прейдетъ, и царство Его не разрушится“. И враги Христа—іудейскіе книжники, знавшіе законъ и пророковъ, хорошо это поняли, ибо и сами судили Христа именно за богохульство, за присвоеніе Себѣ достоинства Сына Божія и въ такомъ видѣ представили дѣло Пилату, которому кричали: „мы законъ гмамы, и по закону нашему долженъ есть умереть, яко Себе Сына Божія сотвори“ (Іоан. 19, 7). И даже на Голгоѣ онъ глумился надъ Распятымъ: „Если Ты—Сынъ Божій, сойди съ креста... Уповалъ на Бога; пусть теперь избавитъ Его, если Онъ угоденъ Ему. Ибо Онъ сказалъ: „Я Божій Сынъ“ (Мѣ. 27, 40; 43). И только

сотникъ, „видя трусь и бывшая“, воскликнулъ не съ глумленіемъ, а съ глубокою вѣрою: „воистину Божій Сынъ бѣ Сей (54)!“

XIII.

Не оставляютъ въ насъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Іисусъ Христосъ исповѣдовалъ Себя предъ людьми Богомъ, тѣ мѣста Евангелія, гдѣ Онъ говоритъ о Своемъ равенствѣ съ Богомъ—Отцемъ, усволяетъ Себѣ божескія свойства и дѣйствія, хотя и не называетъ Себя прямо Богомъ. „Видѣвшій Меня видѣлъ Отца“,—говоритъ Онъ Филиппу, который просилъ: „покажи намъ Отца“ (Іоан. 14, 9—10; 12, 45). Утѣшая учениковъ предъ Своими страданіями, Онъ говоритъ имъ: „Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы придемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ“ (14, 23). Въ первосвященнической молитвѣ Онъ обращается къ Отцу: „И все Мое—Твое, и Твое—Мое“ (17, 10).

Іисусъ Христосъ исповѣдуетъ Свое равенство съ Богомъ—Отцемъ и предъ невѣрующими іудеями. Послѣ исцѣленія 38-лѣтняго расслабленнаго при овчей купели іудеи искали убить Его за то, что Онъ совершилъ это чудо въ субботу. Защищаясь, Спаситель всеуслышаніе заявляетъ: „Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ (а не пребываетъ въ бездѣйствіи послѣ шести дней творенія), и Азъ дѣлаю“ (Іоан. 5, 17). Іудеи вѣрно поняли слова Христа,—что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, и потому еще болѣе стали искать убить Его. Христосъ—Спаситель не разубѣждаетъ іудеевъ въ этомъ, а еще болѣе старается убѣдить ихъ и во всей дальнѣйшей рѣчи продолжаетъ говорить о Своемъ равенствѣ съ Отцемъ. „Какъ Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и оживляетъ, такъ и Сынъ оживляетъ, кого хочетъ. Ибо Отецъ и не судитъ никого, но весь судъ отдалъ Сыну, дабы всѣ чтити Сына, какъ чтутъ Отца. Кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ и Отца, пославшаго Его“ (21—23). Можно ли яснѣе выразить истину равенства Сына съ Отцемъ!

Въ праздникъ обновленія іудеи приступили къ Іисусу Христу съ рѣшительнымъ вопросомъ: Христосъ ли Онъ? Спаситель, сославшись на Свои чудеса, обличилъ іудеевъ въ томъ, что они хорошо видятъ, что Онъ не простой человѣкъ, но по своему упорству не хотятъ признать въ Немъ Христа, и, въ обличеніе ихъ, сказалъ о Своемъ единосущіи съ Отцемъ рѣшительно и прямо „Азъ и Отецъ едино есма“ (Іоан. 10, 30). Іудеи пришли

въ ярость и схватили камни. „Много добрыхъ дѣлъ показали Я вамъ отъ Отца Моего; за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями?“—спросили ихъ Иисусъ Христосъ. Иудеи отвѣчали: „не за доброе дѣло хотимъ побить Тебя камнями, но за богохульство, и за то, что Ты, будучи человѣкъ, дѣлаешь Себя Богомъ“. Спаситель отвѣчалъ имъ: „Не написано ли въ законѣ вашемъ: Я сказалъ: вы боги? Если Онъ названъ богами тѣхъ, къ которымъ было Слово Божіе, и не можетъ нарушиться Писаніе; Тому ли, Котораго Отецъ освятилъ и послалъ въ міръ, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказалъ: Я—Сынъ Божій“ (31—36). Спаситель исповѣдалъ не только равенство и единосущіе съ Богомъ—Отцемъ, но и Свое безмѣрное превосходство предъ людьми.

Истина Божественнаго достоинства Христа и Его равенства съ Богомъ—Отцемъ указана и въ Ветхомъ Завѣтѣ, и Господь—Спаситель однажды раскрылъ это предъ фарисеями. „Что вы думаете о Христѣ? чей Онъ Сынъ?“—спросилъ Онъ фарисеевъ. Они отвѣтили Ему:—Давидовъ.—„Какъ же Давидъ, по вдохновенію, называетъ Его Господомъ, когда говоритъ: сказалъ Господь Господу Моему: сѣди одесную Меня, доколѣ положу враговъ Твоихъ въ подножіе ногъ Твоихъ? Итакъ, если Давидъ называетъ Его Господомъ, какъ же Онъ сынъ Ему?“ (Мф. 22, 41—45). Хотя Иисусъ Христосъ и не отвѣтилъ на этотъ, поставленный Имъ, вопросъ, но отвѣтъ былъ ясенъ: Онъ, Христосъ, хотя и Сынъ Давидовъ по плоти, въ тоже время для Давида Онъ и Господь, какъ возсѣдающій одесную Бога—Отца. Фарисеи это поняли, но не хотѣли признать и потому молчали (45).

Древніе ариане, для оправданія своего ученія о неравенствѣ Иисуса Христа съ Богомъ—Отцемъ, любили ссылаться на слова Христовы: „Отецъ Мой болѣ Меня“ (Іоан. 14, 28). Пусть никого не смущаютъ эти слова: въ нихъ Христосъ, конечно, говоритъ о Своей человѣческой природѣ. Всякій, вѣрующій во Христа, какъ Бога, успокоится, когда прочитаетъ всю ту часть прощальной бесѣды Христа, откуда взяты эти слова. Иисусъ Христосъ, утѣшая учениковъ въ предстоящей съ Нимъ разлукѣ и примиряя ихъ со Своими страданіями, внушаетъ имъ: то, что сдѣлаютъ съ Нимъ Его враги, не есть обычная казнь незащитаго человѣка, но добровольное возвращеніе Его, какъ небснаго посланника, изъ страны скорби къ славѣ небснаго Отца. Христосъ—Спаситель старается разсѣять мрачное настроеніе учениковъ настойчивымъ увѣреніемъ, что для Него лучше идти этимъ путемъ

страданій, потому что этотъ путь ведетъ къ Его прославленію и по человѣческой Его природѣ. „Да не смущается сердце ваше.—говоритъ Онъ ученикамъ,—и да не устрашаетъ. Вы слышали, что Я сказалъ вамъ: иду отъ васъ и прииду къ вамъ. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказалъ: иду къ Отцу, ибо Отецъ Мой болѣ Меня“ (Іоан. 15, 27,—28). „Если бы вы любили Меня“, т. е. если бы понимали все Мое дѣло, для котораго Я пришелъ, а не просто только жалѣли Меня по-человѣчески,—если бы понимали, что путь скорби, страданій и смерти приведетъ Меня къ прославленію по человѣческой природѣ, то вы бы не скорбѣли, а возрадовались тому, что человечество въ Моемъ лицѣ идетъ туда, гдѣ оно поравняется съ Божествомъ,—къ Отцу, Который болѣ Меня при этой Моей человѣческой природѣ. Это Свое прославленіе по человечеству и разумѣлъ Христосъ, когда торжественно-умилительно началъ Свою прощальную бесѣду: „Нынѣ прославился Сынъ Человѣческой, и Богъ прославился съ Немъ“ (13, 31). Въ небснай славѣ будутъ участвовать и всѣ друзья Христа—ученики и вѣрующіе, а Онъ, Христосъ, войдетъ въ эту славу первый и откроетъ путь людямъ, о чемъ Онъ говорилъ и въ прощальной бесѣдѣ (14, 1—2) и Маріи Магдалинѣ: „восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему“ (20, 17). Въ послѣднихъ словахъ Иисуса Христа нѣтъ указанія на неравенство Его съ Отцемъ, а есть любовное напоминаніе ученикамъ („иди ко братіи Моей“), что они не рабы, а друзья Его (15, 15), и потому возрадуются въ той славѣ, въ которую Онъ теперь вступаетъ, являясь представителемъ людей—Его братьевъ.

XIV.

Христосъ—Спаситель, исповѣдая Свое равенство съ Отцемъ, приписываетъ Себѣ и свойства божескія. Онъ исповѣдуетъ Себя вѣчнымъ. „Кто Ты?“—спросили Его однажды въ храмѣ, послѣ прощенія грѣшницы, фарисеи. „Отъ начала Сущій, какъ и говорю вамъ“,—отвѣтилъ Онъ имъ (Іоан. 8, 25). „Прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь“ (58),—сказалъ Онъ тѣмъ же фарисеямъ, которые, услышавъ это, схватили камни, чтобы побить Иисуса; но Онъ скрылся отъ нихъ. „И нынѣ прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра“,—молится Иисусъ Христосъ Отцу Своему (17, 5). Онъ, Христосъ,—всевѣдущъ. „Какъ Отецъ знаетъ Меня, такъ и Я знаю Отца“,—

говорить Онъ (10,15). „Никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца, и Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына, и кому Сынъ хочетъ открыть“ (Мѡ. 11, 27). Онъ—вездѣсущъ. „Никто не восходилъ на небо, какъ только спедшій съ небесъ Сынъ Человѣческой, сущій на небесахъ“ (Іоан. 3,13),—говоритъ Иисусъ Христосъ Никодиму. „Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ“,—говоритъ Онъ ученикамъ (Мѡ. 18,20). Можетъ ли простой, обыкновенный человѣкъ такъ говорить о себѣ?..

Иисусъ Христосъ усваиваетъ Себѣ божескія дѣйствія. Все предано Ему Отцемъ (Мѡ. 11, 27), Который далъ Сыну Своему власть надъ всякою плотью (Іоан. 17,2). „Дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ“ (Мѡ. 28, 18),—говоритъ Онъ ученикамъ послѣ воскресенія. Онъ имѣетъ власть прощать грѣхи и потому говоритъ разслабленному, спущенному черезъ кровлю: „чадо! прощаются тебѣ грѣхи твои“ (Мр. 2,5). Когда же сидѣвшіе тутъ книжники подумали, что власть прощать грѣхи имѣетъ только одинъ Богъ, то Христосъ-Спаситель подтверждаетъ далѣе, что эту именно божескую власть и имѣетъ Онъ, Сынъ Человѣческой (6—11). Иисусъ Христосъ имѣетъ другую высочайшую власть—воскрешать мертвыхъ. „Какъ Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и оживляетъ, такъ и Сынъ оживляетъ, кого хочетъ“ (Іоан. 5,21). „Грядетъ часъ, въ онъ же вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія; и изыдутъ сотворшии благая въ воскрешеніе живота, а сотворшии злая въ воскрешеніе суда“ (28—29). Неужели рационалисты, устраняющіе изъ Евангелія все сверхъестественное, подъ „сущими во гробѣхъ“ будутъ разумѣть не дѣйствительныхъ мертвецовъ, а какихъ-нибудь людей темныхъ умственно или нравственно?.. Если же это настоящіе мертвецы, то кто же этотъ Сынъ Божій, отъ голоса Котораго они воскреснутъ?..

Никакой рационализмъ, далѣе, не въ силахъ объяснить въ какомъ-либо переносномъ смыслѣ тѣ изреченія Спасителя, въ которыхъ Онъ говоритъ о Своемъ второмъ пришествіи. „Какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада, такъ будетъ пришествіе Сына Человѣческаго“ (Мѡ. 24, 27). Всѣ „тогда увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ, съ силою и славою многою“ (Мр. 13,26). Пошлетъ тогда Сынъ Человѣческой ангеловъ, и соберутъ они всѣхъ людей (Мѡ. 24,31). Христосъ говоритъ о дѣйствительномъ событіи, которое еще впереди, Онъ говоритъ ясно о томъ настроеніи людей, которое имѣетъ быть при совершеніи этого событія: „Сынъ Человѣческой

пришедши, найдетъ ли вѣру на землѣ?“ (Лк. 18,8). „Когда же придетъ Сынъ Человѣческой во славу Своей и всѣ святые ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы Своей, и соберутся предъ Нимъ всѣ народы“ (Мѡ. 25, 31—32). Тогда откроется страшный и всеобщій судъ. Самъ Штраусъ съ досадою отмѣчаетъ, что онъ не можетъ понять и объяснить изреченій Христа о второмъ пришествіи и страшномъ судѣ. Онъ думаетъ, что тотъ, кто вообразить, что онъ выше всѣхъ людей,—кто надѣется вернуться на землю въ качествѣ судьи всѣхъ людей, какъ не возвращался ни одинъ человѣкъ, тотъ, если онъ не сумасшедшій, то во всякомъ случаѣ—праздный мечтатель.

XV.

Мы привели наиболѣе выдающіяся мѣста изъ евангелій, гдѣ Иисусъ Христосъ говоритъ о Себѣ не какъ о простомъ человѣкѣ, а какъ о Сынѣ Божіемъ и Богѣ. Кто внимательно прочитаетъ приведенныя мѣста и вдумается въ нихъ, тотъ, если онъ дѣйствительно добивается истины, а не хочетъ только прикрыть свое невѣріе, долженъ выбрать одно изъ трехъ: или Христосъ—праздный мечтатель и даже сумасшедшій, или Онъ—сознательный обманщикъ, или, наконецъ, Онъ—дѣйствительно Сынъ Божій и Богъ. Но кто осмѣлится признать Иисуса Христа празднымъ мечтателемъ или сумасшедшимъ?! Только закоренѣлые во злѣ іудеи—фарисеи и книжники говорили про Него: „Онъ одержимъ бѣсомъ и безумствуетъ; что слушаете Его“ (Іоан. 10,20)? „Неужели,—говоритъ объ Иисусѣ Христѣ одинъ западный мыслитель,—такой духъ, ясный, какъ небо, живительный, какъ воздухъ, острый и пронизательный, какъ обоюдоострый мечъ, вполне здравый и мощный, всегда вѣрный самому себѣ,—неужели,—спрашиваемъ мы,—такой дивный духъ способенъ къ такому глубокому и роковому обольщенію насчетъ своего призванія?..“ Кажется, нужно именно лишиться разсудка, чтобы утверждать, что Евангеліе,—эта святая книга жизни,—содержитъ ученіе празднаго мечтателя или сумасшедшаго: этого не скажетъ даже магометанинъ или язычникъ. Никто не сочтетъ Христа и за обманщика, развѣ тоже отказавшись отъ здраваго смысла. Остается со всею необходимостью признать, что Иисусъ Христосъ есть Сынъ Божій и Богъ.

Почему же, однако, Спаситель какъ бы скрывалъ Свое Божество и избѣгалъ говорить прямо: „Я—Богъ?“ Да, Христосъ-Спаситель, живя среди людей, до Своего воскресенія таилъ Свое

Божество не только отъ людей, но и отъ діавола, который потому только и довелъ іудеевъ до предаіія Его смерти, что не проникъ въ тайну Божественнаго достоинства Іисуса Христа и не зналъ Его разрушительной силы надъ адскимъ царствомъ. Поэтому, въ нѣкоторыхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ Христосъ называется „Богомъ таящимся“. Такъ, въ „блаженныхъ“, которыя поются или читаются послѣ 6-го страстнаго евангелія, говорится, что разбойникъ, распятый со Христомъ, вселился въ рай, псповѣдавши Христа „Богомъ таящимся“. А что бы было,—спросимъ мы,—если бы Іисусъ Христосъ началъ Свою проповѣдь, сразу объявивши людямъ, что Онъ—Богъ? и если бы всегда Онъ только и дѣлалъ, что говорилъ о Себѣ, какъ Богъ? Было бы то, что люди умирали отъ страха и ужаса. Слабый человѣкъ не можетъ вынести непосредственнаго и полнаго откровенія Божества. Богъ говорилъ Моисею, желавшему видѣть славу Его: „лица Моего не можно тебѣ увидѣть, потому что человѣкъ не можетъ увидѣть Меня и остаться въ живыхъ“ (Исх. 33,20). Пусть никому не покажется, что это рисуетъ предъ нами Бога съ отрицательной стороны, какъ какое-то всеокрушающее существо. Богъ—любовь и добро, безконечное сіяніе любви и добра. Однакоже, пока мы находимся въ брэнномъ тѣлѣ, полное сіяніе Божества для насъ нестерпимо. Всякій знаетъ, что отъ солнца, сіяющаго на небѣ, исходитъ къ намъ свѣтъ и тепло, что отъ него зависитъ жизнь всей природы. Однакоже, мы не можемъ прямо смотрѣть на солнце, а тѣмъ болѣе—приблизиться къ нему. Когда Іисусъ Христосъ открывалъ хоть малую часть Своей Божественной славы, то люди не выносили и лишались чувствъ. „Выйди отъ меня, Господи, потому что я человѣкъ грѣшный“,—воскликнулъ Петръ послѣ чудеснаго лова рыбы (Лк. 5,8). А когда Спаситель показалъ, во время Преображенія на горѣ, ученикамъ славу Свою, „яко же можаху“, т. е. сколько они могли вынести, и то ученики упали замертво и были безъ чувствъ до тѣхъ поръ, пока не кончилось сіяніе славы Его, и Онъ, подойдя къ нимъ въ Своемъ смиренномъ видѣ и коснувшись ихъ, не сказалъ: „встаньте и не бойтесь“ (Мѡ. 17, 1—7). Такъ потрясающе дѣйствовало на людей явленіе Божественной славы Христа, и такъ успокоительно дѣйствовало кроткое и тихое сіяніе Его смиреннаго человѣческаго образа, какъ успокоительно дѣйствуетъ на насъ тихое мерцаніе лампы во мракѣ ночномъ. Оно, это кроткое сіяніе человѣческаго образа Христа, успокоило учениковъ на морѣ, когда они испугались Его, ходящаго по водамъ, какъ

призрака: „ободритесь, это—Я, не бойтесь“ (14, 27). Въ другой разъ эти же самыя слава „это—Я“, произнесенныя въ Геосиманскомъ саду уже съ Божественнымъ величіемъ, сдѣлали то, что враги Христа, пришедшіе взять Его, „идоша вспять и падоша на земли“ (Іоан. 18, 5—6). Если ангелы, херувимы и серафимы лица свои закрываютъ предъ Божественною славою Христа, какъ объ этомъ поется въ церковной пѣсни Великой Субботы („Да молчитъ всякая плоть человѣча“), то могли ли бы обыкновенные люди выносить, еслибы Іисусъ Христосъ не утаивалъ Своего Божества и не скрывалъ Своей Божественной славы?! Поэтому, жалѣя и щадя слабыхъ людей, Христосъ-Спаситель, явившись на землѣ, скрылъ Свою славу за завѣсу Своей человѣческой плоти и умѣрилъ сіяніе этой славы до степени „тихаго свѣта“, за что и прославляемъ Его мы ежедневно, на вечернемъ богослуженіи: „Свѣте тихій святія славы безсмертнаго Отца Небеснаго!“..

Когда люди постепенно подготавливались умомъ и сердцемъ къ откровенію Божественнаго существа Спасителя, и особенно когда ихъ ума коснулось „разумѣніе Писаній“, что Онъ—Богъ, и что „подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути“ (Лк. 24,45—46),—а это для апостоловъ и мироносицъ случилось послѣ Его воскресенія,—тогда Господь являлся во славу воскресенія; но, опять же щадя людей, являлся на короткое время. Такъ, Онъ сдѣлалъ когда явился двумъ ученикамъ на пути въ Еммаусъ. Пока ученики не узнали Его, Онъ долго бесѣдуетъ съ ними; когда же открылись глаза ихъ во время преломленія хлѣба, Онъ дѣлается невидимъ (Лк. 24,31). Вообще, послѣ Своего воскресенія, Спаситель являлся ученикамъ и не часто, и не по-долгу. И всегда тѣми, кому являлся Онъ, овладѣвалъ безотчетный страхъ. Мироносицы, пришедшія ко гробу Христову, еще не видѣвшія воскресшаго Христа, но только слышавшія возвѣщеніе ангела о Его воскресеніи, бѣгутъ отъ гроба въ ужасѣ: „имяше же ихъ трепеть и ужасъ, и никому же ничто же рѣша: бояхубося“ (Мр. 16,8). Послѣ исповѣданія Ѳзмою Іисуса Христа Богомъ, ученики, увидѣвши Христа на берегу моря Тиверіадскаго, какого чувства исполняются?—Чувства страха. Когда ученики, выйдя на берегъ, гдѣ былъ Христосъ, увидѣли разложенный огонь, рыбу и хлѣбъ, то Господь, чтобы ободрить ихъ, пожелалъ возсоздать на время прежнія условія ихъ общей жизни съ Нимъ и потому сказалъ: „пріидите, обѣдайте“. Они послѣдовали Его приглашенію; но, смотрите, какое чувство господствуетъ въ ихъ сердцахъ?—Чувство

страха. „Изъ учениковъ же никто не смѣлъ спросить Его: кто Ты? зная, что это Господь“ (Іоан. 21,12).

Иисусъ Христосъ пришелъ на землю для того, чтобы люди возлюбили Его ученіе и заповѣди. Но они должны были это сдѣлать свободно, по влеченію сердца, а не ослѣпленные Его Божественнымъ величіемъ и покоренные Его могуществомъ. Какъ плѣняло ученіе Христа слушателей, показываетъ случай съ фарисейскими слугами, которымъ было приказано схватить и привести Христа. „Почему вы не привели Его?“—спросили фарисеи возвратившихся слугъ. „Никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человѣкъ“,—отвѣтили тѣ (Іоан. 7,45—46). Вѣра же во Христа, вызванная поразительными чудесами, была вѣра непрочная, и Онъ не довѣрялъ ей. Такъ, „когда Онъ былъ въ Іерусалимѣ, на праздникѣ Пасхи (первой по Его крещенію), то многіе, видя чудеса, которыя Онъ творилъ, увѣровали во имя Его. Но Самъ Иисусъ не вѣрялъ Себя имъ, потому что зналъ всѣхъ... зналъ, что въ человѣкѣ“ (2, 23—25). Это и обнаружилось, напр., послѣ чуда насыщенія пяти тысячъ человѣкъ. Насытившійся народъ пришелъ въ такой восторгъ, что хотѣлъ „восхитить Его“ и сдѣлать царемъ, такъ что Господь, Котораго нисколько не обрадовали эти восторги народа, скрылся отъ него, сотворивши новое чудо хожденія по водамъ. Но что было на другой день? Люди, которые вчера, пораженные чудомъ, говорили: „это истинно тотъ пророкъ, которому должно прійти въ міръ“, сегодня говорятъ: „какія странныя слова! Кто можетъ Его слушать?“ и „съ этого времени многіе изъ учениковъ Его отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ“ (6,14; 60; 66).

„Научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ“ (Мѡ. 11,29)—вотъ чего хотѣлъ отъ людей Христосъ. Онъ хотѣлъ показать красоту безгрѣшнаго человѣка въ смиренномъ образѣ, хотѣлъ „подобнымъ подобное призвать“, хотѣлъ „привлечь къ высотѣ“ людей и для этого Онъ, высокій Богъ, на землѣ явился смиреннымъ человѣкомъ (См. акакистъ Божіей Матери). Онъ желалъ, чтобы постиженіе людьми Его личности, Его ученія и Его дѣла шло постепенно. Сначала люди должны были возлюбить сердцемъ Его ученіе, Его кротость и смиреніе и, возлюбивши это, постигнуть, что Онъ не простой человѣкъ, а Божій посланникъ; потомъ, увидѣвши Его чудеса, должны были съ довѣріемъ отнестись и къ Его чрезвычайнымъ словамъ о Себѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, и, наконецъ, вполне постигнуть и осмыслить Его Божеское достоинство уже

послѣ Его славнаго воскресенія. Вотъ чѣмъ можно объяснить то, почему Спаситель въ иныхъ случаяхъ запрещалъ разглашать о Своихъ чудесахъ, а въ иныхъ повелѣвалъ это дѣлать самимъ исцѣленнымъ. Запрещалъ тогда, когда желалъ избѣжать умственного порабощенія людей, и повелѣвалъ разглашать о чудесахъ тогда, когда считалъ сердца слушателей подготовленными къ воспріятію Его словъ. Когда же Онъ видѣлъ, что вѣра въ Него, какъ Сына Божія, начиналась въ сердцахъ людей, зажженная свѣтомъ Его обаятельной личности, тогда Онъ съ любовью совершалъ чудеса для утвержденія этой начавшейся вѣры и повелѣвалъ возвѣщать о нихъ. Когда ученики Іоанновы пришли спросить Его: „Ты ли тотъ, которому должно прійти, или другого ожидать намъ?“—то „въ это время Онъ многіхъ исцѣлилъ отъ болѣзней, и недуговъ, и отъ злыхъ духовъ, и многимъ слѣпымъ даровалъ прозрѣніе“, а Іоанну, при всемъ народѣ, передалъ отвѣтъ: „пойдите, скажите Іоанну, что вы видѣли и слышали: слѣпые прозрѣваютъ, хромы ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ“ (Ік. 7, 19—22).

XVI.

Но положимъ, что сомнѣвающагося человѣка намъ удалось бы убѣдить въ томъ, что Иисуса Христа нужно признавать Божественнымъ Лицомъ. Все же такой человѣкъ можетъ намъ сказать: вѣдь христіанство занимаетъ меня не какъ догматическая система, а какъ ученіе, которое указываетъ мнѣ, какъ нужно жить. Для моей же нравственной жизни не все ли равно, кто такое—Христосъ: Богъ или человѣкъ? Если евангельское ученіе плѣняетъ мое сердце, то вѣдь мнѣ уже нужно стараться о томъ, какъ бы слѣдовать ему и жить сообразно съ нимъ, а въ этомъ случаѣ Божество Иисуса Христа ничего не даетъ мнѣ. Выше нами было сказано: если Иисуса Христа не признавать Богомъ, то нужно признавать Его обманщикомъ или празднымъ мечтателемъ. На этомъ можно бы и кончить, ибо можно ли слѣдовать ученію празднаго мечтателя или обманщика?.. Но забудемъ на время объ этомъ противорѣчьи и допустимъ, что можно признавать Христа только совершеннѣйшимъ человѣкомъ, не болѣе. Какую же пользу принесетъ это признаніе мнѣ, усиливающемуся слѣдовать евангельскому ученію? Можетъ ли придать мнѣ нравственной силы этотъ совершеннѣйшій человѣкъ, о которомъ я читаю въ

Евангелии? может ли онъ быть моимъ спасителемъ? Конечно, мнѣ отвѣтять на этотъ вопросъ, что Христосъ есть наилучшій образецъ для подражанія. Если я колеблюсь въ доброй жизни, то примѣръ Христа можетъ укрѣпить меня въ направленіи добра, и въ этомъ смыслѣ Христосъ, пожалуй, и есть мой спаситель. Но,— отвѣчу я,— мало ли было на свѣтѣ выдающихся людей и нравственныхъ герсевъ! Будда, Конфуцій, Сократъ, Саванаролла, Гуссъ—все нравственные герои. Стало быть, и имъ я могу подражать? а въ трудныя минуты и они могутъ быть моими спасителями?.. Въ такомъ случаѣ гораздо лучше подражать какому—нибудь живому человѣку, котораго я знаю, который близокъ мнѣ и его избрать своимъ спасителемъ. Врачъ, самоотверженно ухаживающій за больными, заражающійся отъ нихъ и умирающій,— чего же лучше для подражанія? Зачѣмъ же брать за образецъ Христа, Который жилъ почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, въ другихъ условіяхъ жизни, совсѣмъ не въ такой обстановкѣ, какъ мы—люди двадцатаго вѣка? Могутъ на это сказать, что Христосъ выше всѣхъ нравственныхъ героевъ. Но вотъ, эта—то самая неизбежность или даже нравственная потребность признать Христа высшимъ всѣхъ людей и нравственныхъ героевъ и есть, такъ сказать, исканіе Его Божества. Да, совершенно вѣрно, чтобы слѣдовать евангельскому ученію и считать Иисуса Христа своимъ Спасителемъ, мнѣ, во—первыхъ, нужно быть убѣжденнымъ, что такого, какъ Онъ, никогда не было. Этого мало. При всеобщей вѣрѣ въ прогрессъ человѣчества вѣдь необходимо допустить, что вдругъ въ будущемъ можетъ появиться одинъ или даже нѣсколько людей гораздо лучше и выше Христа. Стало быть, для безповоротнаго слѣдованія евангельскому ученію, во—вторыхъ, мнѣ нужно быть убѣжденнымъ, что и въ будущемъ не появится и не можетъ появиться существо высшее, чѣмъ Христосъ. А это и есть убѣжденіе въ Его Божествѣ.

Не странно ли, послѣ всего этого, что были и есть люди, которые согласны съ тѣмъ, что Иисусъ выше всѣхъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ людей, и въ тоже время они не хотятъ признать Его Богомъ. Для примѣра укажемъ на Э. Ренана. Вотъ, какъ говоритъ онъ въ самомъ концѣ своей книги „Жизнь Иисуса“. „Взятое въ массѣ, человѣчество представляетъ собой скопище существъ низкихъ, эгоистовъ, стоящихъ выше животнаго только въ томъ одномъ отношеніи, что ихъ эгоизмъ болѣе обдуманъ, чѣмъ у животнаго. Тѣмъ не менѣе среди этого однообразія обы-

денщины къ небесамъ возвышаются колонны, свидѣтельствующія о болѣе благородномъ призваніи людей. Изъ всѣхъ этихъ колоннъ, показывающихъ человѣку, откуда онъ происходитъ и куда долженъ стремиться, Иисусъ—самая высокая. Въ немъ сосредоточилось все, что есть прекраснаго и возвышеннаго въ нашей природѣ... Каковы бы ни были неожиданности, которыя готовятъ намъ будущее, Иисуса никто не превзойдетъ. Культъ его будетъ вѣчно обновляться; легенда (исторія?) его будетъ вѣчно вызывать слезы; его страданіями будутъ терзаться лучшія сердца; и во всѣ времена всѣ будутъ провозглашать, что среди сыновъ человѣческихъ никогда не рождалось болѣе великаго, нежели Иисусъ“ 1). Неужели все это говорится о смертномъ человѣкѣ, жизнь котораго, по выраженію самаго Ренана, „кончается съ его послѣднимъ вздохомъ?!“ 2).

XVII.

Люди, не признающіе Иисуса Христа за Бога, обыкновенно утверждаютъ, что признаніе Его за Бога совсѣмъ ненужно для доброй, нравственной жизни. Поэтому, обратимся къ прямому рѣшенію вопроса: нужна ли для нравственной жизни вѣра въ Божество Иисуса Христа?

Что значитъ быть нравственнымъ человѣкомъ? Если нравственность понимать въ смыслѣ отрицательномъ,—въ томъ, чтобы не убивать, не красть и пр., то не только послѣдователь всякой религіи, но и безбожникъ можетъ быть нравственнымъ человѣкомъ. Законы приличія, страхъ наказанія и дурной молвы могутъ сдерживать человѣка. Но кто же изъ людей, имѣющихъ нравственное чувство, согласится съ такимъ опредѣленіемъ нравственности?.. Всякому понятно, что быть нравственнымъ значитъ исполнять нравственный законъ по чистой совѣсти и доброй волѣ,—что быть нравственнымъ значитъ любить ближнихъ безъ всякаго разсчета, сочувствовать и сострадать имъ, быть чистымъ и цѣломудреннымъ, быть правдивымъ и честнымъ. Ну, а если человѣкъ не таковъ? если онъ не полонъ любви къ людямъ, а—страшный эгоистъ? если онъ не чистый и цѣломудренный, а—грубый развратникъ?—не правдивый и честный, а—коварный и безчестный? Если такой человѣкъ, захочетъ обратиться къ

1) „Жизнь Иисуса“, стр. 356—357.

2) Тамъ же, стр. 339.

нравственности и добру, то может ли безъ борьбы и нравственной боли совершиться это его обращеніе? Переходъ отъ зла къ добру будетъ для него, конечно, страданіемъ. Для человѣка въ-рующаго все это понятно, ибо онъ привыкъ мыслить по указанію библейскаго ученія. Кто же ищетъ авторитетовъ помимо Св. Библии, тотъ пусть послушаетъ, что по этому поводу говорить знаменитый философъ Кантъ. „Переходъ къ добру не можетъ произойти въ человѣкѣ безъ боли. Чувство внутренняго разлада и обновленія причиняетъ страданіе тѣмъ болѣе мучительное, что истребляемыя злыя наклонности воли пустили глубокіе корни въ природѣ человѣка и обратились въ привычку... Сталкиваясь между собою, различныя чувства (ужасъ о прежнемъ грѣхѣ и радость обновленія) причиняютъ то высочайшее страданіе, о какомъ только можно составить представленіе“. Все, что здѣсь говоритъ нѣмецкій философъ, въ Библии называется „распятіемъ ветхаго человѣка“ (Рим. 6, 6,) „распятіемъ плоти со страстями и похотями“ (Гал. 5, 24), „совлеченіемъ ветхаго человѣка и облеченіемъ въ новаго“ (Кол. 3, 9—10).

Гдѣ же мнѣ, человѣку, взять побужденіе къ тому, чтобы слѣдовать доброду началу, а не злему, отъ котораго мнѣ такъ трудно оторваться, и которое,—оказывается,—нужно распять? Гдѣ мнѣ взять силы это совершить? Какъ мнѣ примириться съ тѣми страданіями, которыя неизбѣжны при переходѣ отъ зла къ добру? Если я попытаюсь гдѣ-нибудь найти такое побужденіе, напр., въ наукѣ, то жестоко обманусь въ своей попыткѣ, ибо давно всѣмъ извѣстно, что люди темные и неученые могутъ быть очень нравственными, а люди ученые и образованные—очень безнравственными. Въ культурномъ столичномъ городѣ, среди блеска электричества и роскошныхъ магазиновъ, бѣдный человѣкъ можетъ замерзнуть и умереть съ голоду, а въ некультурной деревушкѣ его приютятъ и накормятъ и, подавая милостыню, еще скажутъ: „прими Христа ради“. Не можетъ наука и дать силы дѣлать добро и отвращаться отъ зла; ибо знаніе и даже желаніе добра—одно, а сила дѣлать добро—другое (Рим. 7, 18—19). И ужъ ни въ какомъ случаѣ наука не можетъ примирить меня со страданіями. Гдѣ, какъ не въ средѣ образованныхъ и интеллигентныхъ людей, часты случаи самоубійствъ, съ оставленіемъ записокъ: „усталъ жить“ (т. е. бороться и страдать), „не вижу смысла въ жизни“?.. Говорятъ, что нужно слѣдовать естественному влеченію къ добру, которое (влеченіе) въ насъ тоже есть.

Да, но отсюда слѣдуетъ, что, такъ какъ влеченіе къ пороку есть тоже естественное, то, когда оно сильнѣе (а оно почти всегда сильнѣе), я непремѣнно буду слѣдовать ему. И кто же меня убѣдитъ и заставитъ преодолевать зло и слѣдовать добру? Если крѣпкій духомъ и сильный волей апостоль Павелъ предъ всѣмъ міромъ сознается: „добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю“ (Рим. 7, 19), то что сказать о всякомъ рядовомъ человѣкѣ?!

Вотъ тутъ-то и приходитъ на помощь Иисусъ Христосъ, какъ воплощенное совершенство. Какъ мы видѣли, для того, чтобы подражать Христу, какъ образцу совершенства, должно Его признать высшимъ всѣхъ людей—прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, т. е. Богомъ, потому, что иначе я могу думать, что или гдѣ-нибудь будетъ открытъ кто-нибудь высшій, чѣмъ Христосъ, или—въ будущемъ появится таковой. Теперь я Его долженъ признать Богомъ еще и потому, что я всегда стою на распутьи двухъ дорогъ: къ добру и злу, и мнѣ должно быть убѣжденнымъ, что нужно идти на-право, а не на-лѣво, по пути добра, а не по пути зла. Вѣдь иногда въ моемъ стремленіи къ добру мнѣ представляется, что вся моя природа и душевная и тѣлесная, что весь окружающій міръ противъ меня. Вѣдь нужно же мнѣ быть убѣжденнымъ, что вся эта грозная сила, которая ополчилась противъ меня, все-таки ниже моего, такъ сказать, маленькаго добра, ибо за этимъ добромъ стоитъ Христосъ, а Онъ, хотя и кроткій Агнецъ, но сильнѣе страшнаго дракона (Апокалипсисъ). Тогда только я могу побѣдить грозную силу зла, когда буду знать, что Тотъ, Кто стоитъ во главѣ моего попираемаго и одоляемаго добра, „больше того, кто въ мірѣ“ (1 Иоан. 4, 4). Здѣсь опять припоминаются слова св. Иоанна Богослова: „кто побѣждаетъ міръ, какъ не тотъ, кто вѣруетъ, что Иисусъ есть Сынъ Божій“ (5, 5)? Иисусъ Христосъ, какъ Богъ, мнѣ нуженъ для того, чтобы во имя Его, такъ сказать, отрицать весь міръ, если онъ идетъ противъ моего добра. При этомъ, мнѣ нужно вѣрить, что этотъ міръ, который идетъ противъ меня, не всегда былъ такимъ,—онъ оскверненъ злою волею человѣка. А Христосъ пришелъ его обновить и очистить.

XVIII.

Итакъ, во мнѣ двѣ природы, два влеченія: доброе и злое. Отрываться отъ злого влеченія и слѣдовать добру значитъ бороться и страдать. Христосъ, за Которымъ я хочу слѣдовать, какъ за воплощеніемъ добра, долженъ быть выше всѣхъ людей: Онъ долженъ быть и выше всякаго бытія вообще и царить надъ зломъ, чтобы мнѣ не увлекаться этимъ зломъ и не бояться его. Но откуда же мнѣ, слабому человѣку, взять силу для этой тяжелой борьбы? Посмотримъ, какъ бываетъ въ жизни. Вотъ, два друга: одинъ проводитъ добродѣтельную, а другой—порочную жизнь. Если порочному захочется быть добродѣтельнымъ, и онъ будетъ искать помощи у добраго, то достаточно ли будетъ со стороны послѣдняго только указать первому, что онъ живетъ дурно? Нѣтъ, ему нужно обнаружить нѣчто большее, чѣмъ сухія нравоученія: ему нужно прежде всего, конечно, пожалѣть своего дурного друга. Во имя этой жалости ему придется раздѣлить съ нимъ всю муку и борьбу обращенія, о которыхъ говоритъ Кантъ, а то и вовсе страдать за него, если въ немъ не оказывается желанія къ исправленію. Такъ, св. Іоаннъ Богословъ, найдя одного юношу, порученнаго имъ одному епископу, во главѣ шайки разбойниковъ, сначала бросился догонять его, когда тотъ отъ стыда хотѣлъ убѣжать, а потомъ умолялъ его и дѣлилъ съ нимъ весь трудъ покаянія и исправленія. Посмотрите, какъ любящая мать страдаетъ за своихъ дѣтей. Не будучи причастна ихъ порокамъ, она оплакиваетъ ихъ, какъ свои собственные. Сидя въ тиши ночной у постели своихъ, еще невинныхъ, дѣтей, она уже съ тревогой заглядываетъ въ будущее и заранѣе скорбитъ и оплакиваетъ ихъ паденія.

Какъ видимъ, можно страдать и за чужіе грѣхи, можно оплакивать ихъ, какъ свои. И это дѣлаетъ на нашей грѣшной землѣ сострадательная любовь. Святая любовь! Она одна и можетъ смягчить ожесточенное сердце. И если въ порочномъ человѣкѣ начнется трудный подвигъ обращенія отъ зла къ добру, то эта сострадательная любовь будетъ идти рука-объ-руку съ порочнымъ человѣкомъ по пути покаянія и обращенія. И тогда, конечно, къ слабымъ силамъ человѣка, надорваннымъ грѣхомъ, прибавится другая, уже чистая, нравственная сила. Но при какомъ условіи? При такомъ, если порочный человѣкъ нравственно соединится съ чистымъ, поставивши на мѣсто своего грѣшнаго настроенія святое настроеніе чистаго друга.

Теперь на мѣсто порочнаго человѣка поставимъ все грѣшное человѣчество. Такимъ добрымъ и святымъ другомъ для него явился Иисусъ Христосъ. „Покайтесь! приблизилось царство небесное“ (Мѡ. 4, 17),—вотъ какой призывъ раздался изъ устъ Спасителя ко всѣмъ людямъ. Но мало было сказать людямъ: „покайтесь“, мало было научить ихъ новой жизни. Если бы переходъ отъ зла къ добру въ человѣкѣ былъ легкій, то и научить людей добру было бы такъ же легко, какъ легко научить человѣка тому, что ѣздить въ вагонѣ желѣзной дороги удобнѣе, чѣмъ ходить пѣшкомъ. Но мостомъ отъ зла къ добру какъ въ одномъ человѣкѣ, такъ, конечно, и во всемъ человѣчествѣ, какъ мы видѣли, является страданіе. Что же нужно было сдѣлать тому, кто захотѣлъ бы *все* человѣчество направить отъ зла къ добру или спасти? Ему нужно было бы, какъ и чистому и доброму другу порочнаго человѣка, во-первыхъ, пожалѣть все человѣчество, а во-вторыхъ, выстрадать его переходъ отъ зла къ добру. И тогда сила сострадающей любви, возрождающая и ведущая отъ гибели ко спасенію, могла бы сообщиться всѣмъ людямъ.

Но, чтобы пожалѣть всѣхъ людей, выстрадать всѣ грѣхи ихъ и вдохнуть въ нихъ новую жизнь и новыя силы, этому другу человѣчества нужно было, во-первыхъ, самому человѣкомъ, чтобы въ самомъ себѣ познать и пережить всѣ людскія немощи и болѣзни, а во-вторыхъ—быть человѣкомъ безгрѣшнымъ, ибо какъ можетъ перейти къ людямъ новая, святая жизнь отъ существа грѣховнаго! Но какъ обыкновенному, смертному человѣку пожалѣть всѣхъ людей отъ начала до конца міра? какъ ему оплакать и выстрадать безчисленные грѣхи ихъ? какъ сообщить имъ новыя, нравственныя силы? Онъ и обнять то не можетъ своимъ воображеніемъ всѣхъ людей. Какимъ образомъ обыкновенный человѣкъ можетъ быть безгрѣшнымъ? Очевидно, этотъ спасающій человѣчество безгрѣшный другъ его, будучи человѣкомъ, долженъ быть вмѣстѣ и Богомъ или Богочеловѣкомъ. Такимъ и былъ Иисусъ Христосъ.

Иисусъ Христосъ пожалѣлъ всѣхъ людей. Онъ жалѣлъ ихъ, когда видѣлъ, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы, не имѣющія пастыря (Мѡ. 9, 36). Онъ жалѣлъ людей, когда слышалъ вокругъ Себя многочисленные возгласы: „Иисусе, Сыне Давидовъ! помилуй мя“. Онъ жалѣлъ людей, когда благословлялъ и ласкалъ малыхъ дѣтей, когда прослезился при видѣ плачущихъ сестеръ Лазаря, когда плакалъ объ Иерусалимѣ, когда прощался

съ учениками, когда молился за Своихъ распинателей. И сбылись на Немъ слова пророка Исаи: „Онъ взялъ на Себя наши немощи и понесъ наши болѣзни“ (Мѣ. 8, 17). Но вотъ, настали послѣдніе часы земной жизни Спасителя. Онъ—въ саду Геосиманскомъ. Тутъ-то, во время молитвы, Онъ почувствовалъ, какъ человѣческіе грѣхи тяжкимъ бременемъ отяготѣли на Немъ. Если бы какимъ-либо чудомъ въ тотъ моментъ можно было собрать въ одно мѣсто всѣхъ людей отъ Адама до самаго второго пришествія, со всѣми ихъ дѣлали, то вся земля представилась бы кишущею всякими мерзостями и преступленіями и покрытою ими, какъ водами потопа, выше самыхъ высокихъ горъ. И застоналъ отъ невыносимой внутренней боли безгрѣшный Христосъ: „душа Моя скорбитъ смертельно“ (Мѣ. 26, 38)! „И были потъ Его, какъ капли крови, капающей на землю“ (Лк. 22, 44). И наши съ вами грѣхи терзали тогда сердце Спасителя, и ихъ оплакалъ тогда Божественный Страдалецъ. Но тутъ-то и начинается наше съ тобою спасеніе, возлюбленный братъ. Во-первыхъ, насколько же отвратителенъ долженъ казаться намъ съ тобою всякій грѣхъ, когда онъ такую тяжестью ложится на плечи Спасителя! Во-вторыхъ, если мы, при всемъ этомъ, все-таки пребываемъ въ ожесточеніи, то не страдаетъ ли за насъ Христосъ?.. Въ-третьихъ, если бы мы захотѣли отрываться отъ грѣховъ, то развѣ Страдалецъ—Христосъ не сталъ бы съ радостью дѣлать наши съ тобою подвиги покаянія и чрезъ это развѣ не присоединилъ бы къ нашимъ слабымъ силамъ Свою Божественную сплу?..

XIX.

Но у Бога есть правда, а у человѣка есть совѣсть, какъ отраженіе Божіей правды. Часто человѣку, совершившему тяжкій грѣхъ, кажется, что и Богъ не проститъ его. Да часто бываетъ и такъ, что человѣкъ самъ себя не прощаетъ. „Я никогда не прощу себѣ этого“,—обычное выраженіе у людей, сдѣлавшихъ что—нибудь очень дурное. Вообразимъ, что кто—нибудь въ запальчивости или сознательно убилъ невиннаго младенца. И вотъ, предъ нимъ дѣтскій гробикъ, въ которомъ лежитъ жертва его ужаснаго преступленія, безмолвная и судящая. Около убивается несчастная мать младенца. Въ убійцѣ вдругъ заговорила совѣсть. О, ужасъ! Куда дѣваться и гдѣ найти спасеніе? Кто можетъ простить несчастнаго преступника и его успокоить? Жертва? Но она бездыханна. Мать? Положимъ, что она прощаетъ. Но доста-

точно ли для кающагося убійцы этого прощенія?!. Одна мать, живя въ нуждѣ, по раздражительности своего характера, часто и больно била свою маленькую дѣвочку. И вотъ, эта дѣвочка захворала и стала умирать. Раскаяніе и жалость охватили и терзали сердце несчастной матери. Она съ рыданіемъ и мольбою о прощеніи валилась у постели больного ребенка, цѣловала и обливала слезами его руки и ноги. Что же малютка? Свѣтлый и незлобивый ангель—она простила свою плачущую мать, ласкала ее, клала на голову и лицо ея свою маленькую, худенькую ручку. Какъ вы думаете? достаточно ли было для матери этого дѣтскаго прощенія? О, это—то дѣтское незлобіе и эти предсмертныя ласки и жгли сердце бѣдной матери и поднимали въ немъ бурю отчаянія, когда она вспоминала о своей дѣвочкѣ, уже долго спустя послѣ ея смерти.

Да, въ жизни человѣка бываютъ такіе дѣла, такіе поступки, которые такъ отягощаютъ его совѣсть, что, хотя бы весь міръ его простилъ, онъ самъ себя не прощаетъ. И, если онъ не захочетъ прибѣгнуть къ такому способу, какъ Іуда, то одно можетъ его исцѣлить и примирить съ совѣстью: страданія. Они одни могутъ утолить его грозную совѣсть. И онъ будетъ искать этихъ страданій, и, конечно, они будутъ *добровольныя*. Онъ будетъ жаждалъ принести *искупительную жертву*. Тогда пусть наказываетъ его людское правосудіе, пусть посылаютъ его на каторгу, въ рудники: онъ съ радостью пойдетъ туда. Вспомните „Власа“. Тяжкій преступникъ, вогнавшій въ гробъ свою жену, скупавшій у бѣдныхъ крестьянъ по дешевой цѣнѣ хлѣбъ, а потомъ втрое сдиравшій съ нищаго,—онъ, наконецъ, тяжело заболѣлъ, и во время болѣзни его стали мучить страшныя видѣнія загробнаго воздаянія. Власъ выздоровѣлъ. Но чего же стала искать тогда душа его? Подвига и страданій.

„Раздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И собирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

Съ той поры мужикъ скпается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается—
Строго держитъ свой обѣтъ.

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,

Ходить онъ стопой неспѣшною

По селеньямъ, городамъ.

Ходить съ образомъ и съ книгою,

Самъ съ собой все говорить,

И желѣзною веригою

Тихо на ходу звенить“.

Теперь посмотримъ, противъ кого же направлены всѣ человѣческіе грѣхи, начиная съ грѣха Адама? Противъ Бога. Чѣмъ могутъ люди искупить всѣ свои грѣхи? Страданіями. И люди страдали, страдаютъ и будутъ страдать. Но что значать страданія людей предъ лицомъ безконечнаго Бога и Его правды? Не можетъ тоненькая свѣчка дать свѣтъ, равный солнечному; не можетъ малый огонь нагрѣть цѣлый океанъ воды. А совѣсть людей? Люди, хотя бы и страдающіе, всегда бы думали и чувствовали, что нѣтъ имъ прощенія, не выстрадать имъ своихъ грѣховъ. Вспомните ап. Петра, который заплакалъ горько послѣ своего отреченія, и хотя его простилъ Спаситель, онъ, по преданію, не могъ удержаться отъ слезъ, когда слышалъ полночное пѣніе пѣтуха. Нужны были безконечныя, добровольныя страданія, равныя по своей великости Богу. Нужна была великая Жертва. Нужно было, наконецъ, со стороны Бога торжественное свидѣтельство и увѣреніе, что грѣхи людей выстраданы, что пропасть между небомъ и землей наполнена. Все это совершилось чрезъ Христа и во Христѣ. Появленіе на землѣ Иисуса Христа, Который, по выраженію церковной пѣсни, „пришелъ отъ Дѣвы не какъ ходатай или ангелъ, но какъ Самъ Богъ воплотившійся“, Который „съ человѣки поживе“, Его страданія, смерть, погребеніе, воскресеніе и вознесеніе на небо и были такимъ торжественнымъ свидѣтельствомъ и увѣреніемъ. Кто видалъ картину Васнецова въ Кіевскомъ Владимірскомъ соборѣ—„Богъ—Сынъ страдающій и Богъ—Отецъ сострадающій“—тотъ, конечно, не забылъ ее. Надъ висящимъ на крестѣ Иисусомъ Христомъ, Котораго въ ужасѣ стараются закрыть своими крыльями испуганные ангелы, вверху, изъ—за облаковъ видна склоненная голова Старца, Бога—Отца. Въ глазахъ Старца отражаются безконечная любовь и вмѣстѣ безконечное страданіе, любовь—и къ Сыну, и къ міру. Любящее и сострадающее лицо Старца какъ бы говоритъ: „Бѣдные и несчастные люди! Грѣхи ваши велики. Вы страдаете, и Я страдаю съ вами. Хотя бы Я и простилъ ваши грѣхи, вы сами не простили бы ихъ себѣ, и они вѣчно давили бы васъ своею тяжестью.

Пусть же вся эта тяжесть падетъ на Моего Сына. Я отдаю Его на казнь и страданія ради васъ. Успокойтесь же, бѣдные люди. Если вы видите Сына Моего вознесеннымъ на крестъ, то какое еще вамъ нужно увѣреніе, что грѣхи ваши прощены?!.“ Хотя Отецъ и сострадалъ Своему Сыну, но попустилъ совершиться казни со всею неумолимостью, такъ что во время страданій Сына какъ бы покинулъ Его, отдавши Его въ полную волю злыхъ людей. Вотъ почему страдающій Сынъ, вися на крестѣ, воскликнулъ: „Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ“ (Мф. 27, 46)?

Изъ сказаннаго ясно, что Иисусъ Христосъ не есть просто великій человѣкъ, пострадавшій за свои убѣжденія, подобно Саванароллѣ или Гуссу, а есть Божественный Страдалецъ, выстрадавшій и искупившій грѣхи всѣхъ людей, и потому Онъ есть Спаситель всѣхъ людей, какимъ не былъ и не можетъ быть ни одинъ, хотя бы и самый великій, человѣкъ въ мірѣ. Но Христосъ спасаетъ насъ *не безъ насъ*. „Если человѣкъ утопалъ въ морѣ,—говоритъ одинъ русскій просвѣщенный богословъ,—а другой бросился къ нему и, взявъ подъ руку, выплылъ съ нимъ на берегъ, то, конечно, онъ его спаситель. Но если утопающій самъ пересталъ бы грести изъ всѣхъ силъ, то все туловище, кромѣ одной руки, ушло бы у него подъ воду, и его самоотверженный другъ вытащилъ бы на берегъ только мертвый трупъ захлебнувшася человѣка; но если бы онъ не бросился помогать утопавшему, то послѣдній, не смотря на всѣ усилія, пошелъ бы ко дну“. Ясно, что человѣку самому и бороться нужно, и страдать нужно. Только его страданія, вмѣстѣ съ Христовыми, не будутъ казаться ему невыносимыми и тяжелыми, а легкими и... даже пріятными, даже какъ бы и нечувствительными. Такъ, св. мученики какъ будто не чувствовали ни огня, ни желѣза, когда мучители жгли и рвали ихъ тѣла, а св. апостоль Петръ пожелалъ быть распятымъ внизъ головою. Такъ въ христіанствѣ понятны и осмыслены страданія.

Но какъ человѣку жить и страдать, не зная, какой будетъ конецъ этихъ страданій? Стоитъ ли распинать страсти и грѣхи, когда они такъ нравятся? Не обманывается ли человѣкъ, полагая, что добро и въ немъ самомъ, и во всемъ мірѣ одолѣетъ зло? Что случилось съ тѣмъ великимъ Страдалцемъ, Котораго зло, по видимому, одолѣло и умертвило? Если послѣ страданій Христа послѣдовала только Его смерть, и гробъ Его закрыли,—какъ ду-

мають нѣкоторые,—тогда зачѣмъ бороться и страдать?!. Лучше ѣсть, пить и веселиться, (1 Кор. 15, 32), чѣмъ распинать себя. Но, нѣтъ! Я знаю, какой конецъ будетъ этой борьбы: добро непременно побѣдитъ зло. Вѣдь и тогда Страдалецъ—Христосъ, вѣчное добро, вѣчная правда, поруганный, опозоренный и убитый, восторжествовалъ, ибо воскресъ изъ мертвыхъ. И опять же,—выходить,—страдальцу-христианину нуженъ не просто страдающій человѣкъ, а—Богъ, растерзавшій узы зла и смерти. „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“. Эта христианская пѣснь есть торжествующая пѣснь побѣды Добра надъ зломъ и немолчно, какъ пасхальный звонъ колоколовъ, возвѣщающая о Божествѣ Иисуса Христа.

XX.

Итакъ, почему же мы должны вѣрить въ Иисуса Христа, какъ Бога? Потому, что Иисусъ Христосъ, описанный нашими евангеліями, есть такое существо, какого не знали и никогда не будетъ знать міръ, существо чистое и безгрѣшное;—потому, что Его ученіе не есть человѣческое, а Божественное, и, проповѣданное бѣдными рыбаками, оно покорило и обновило міръ;—потому, что Онъ творилъ чудеса и на третій день послѣ Своей смерти воскресъ изъ мертвыхъ;—потому, что Онъ самъ говорилъ о Себѣ, какъ о Богѣ;—потому, наконецъ, что только при вѣрѣ въ Иисуса Христа, какъ Бога, возможна добрая, нравственная жизнь. Впрочемъ, пусть не думаетъ никто, что эта вѣра держится только на какихъ-либо отвлеченныхъ разсужденіяхъ. Сердце проситъ этой вѣры, и въ сердцѣ коренится она (Рим. 10, 10). Сердце вамъ говоритъ, что безъ Христа, какъ Бога, жить нельзя, нельзя и умирать. И, если бы весь міръ говорилъ вамъ, всѣ ученые міра говорили, что или Христа не было, или, если Онъ былъ, то чудесъ не творилъ, изъ мертвыхъ не воскресалъ, всетаки сердце ваше, знающее, что значитъ жить, что значитъ страдать, что значитъ терять близкихъ людей и самому умирать, наперекоръ всѣмъ и всему скажетъ: „нѣтъ, Христосъ былъ, Онъ творилъ чудеса и воскресъ изъ мертвыхъ, Онъ—мой Богъ и Спаситель и въ этой жизни, и въ будущей“.

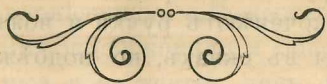
Безъ Иисуса Христа, какъ Бога и Спасителя, все тяжело, все непонятно. Думали ли вы о невинныхъ страданіяхъ? видали ли вы страданія малыхъ дѣтей? То дѣти плачутъ отъ каприза, а то плачутъ, когда ихъ обижаютъ и бьютъ большіе. Вы слышали

этотъ плачь? вы видали эти дѣтскія слезы?.. Если видали, и если сердце ваше не злое, то вы никогда этихъ слезъ не забудете. Видали ли вы, какъ болѣютъ и умираютъ дѣти? Присматривались ли вы, какъ они лежатъ въ гробикахъ? Серьезныя, кроткія, умныя, точно они вдругъ сдѣлались большими. Помышляли ли вы о младенцахъ, которыхъ несчастныя матери подкидываютъ, а иногда душатъ, топятъ, бросаютъ въ отхожія мѣста?.. Зачѣмъ эти страданія? Кто утолитъ ихъ? Кто отретъ эти дѣтскія слезы? Вы, конечно, помните чудный разсказъ Достоевскаго: „Мальчикъ у Христа на елкѣ“. Шестилѣтній мальчикъ проснулся въ сыромъ и холодномъ подвалѣ; хочется ему ѣсть, зоветъ онъ свою мать, которая лежитъ больная на нарахъ, на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на узлѣ, вмѣсто подушки. Но не отзывается матъ. Зимній, декабрьскій день сталъ уже кончаться, а мальчикъ все плачетъ, и мать все не отзывается. Онъ взобрался на нары и ошупалъ лицо мамы: оно было холодно, какъ ледъ. Озябшій и голодный, онъ выбрался наружу и очутился на людной улицѣ Петербурга. Свѣтъ, движущаяся толпа, мчащіеся экипажи, огромныя окна магазиновъ, игрушки и нарядныя елки въ нихъ, но морозъ, морозъ! У малютки коченѣютъ ручки и ножки. Онъ залюбовался на движущіяся куклы въ окнахъ, но подбѣжалъ злой мальчикъ, сорвалъ картузь его, а сзади поддалъ ему ногой. Покатился бѣдный, а потомъ бросился бѣжать и забѣжалъ въ какой-то огромный дворъ и тамъ спрятался за дровами, чтобы не нашли. „Посижу и опять пойду смотрѣть на куколъ“,—думалъ онъ. Сначала ему было холодно, а потомъ—тепло. И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла мать. „Мама, я сплю, ахъ, какъ тутъ спать хорошо!“ „Пойдемъ ко Мнѣ на елку, мальчикъ“,—прошепталъ вдругъ надъ нимъ тихій голосъ, и Кто-то обнялъ его, и вдругъ,—о, какой свѣтъ! о, какая елка! Вокругъ все мальчики и дѣвочки. Всѣ они смѣются и кружатся и дѣлуютъ его. „Мама, мама!“—закричалъ онъ, увидѣвши мать. „Ахъ, какъ тутъ хорошо мнѣ!“ „Кто вы, мальчики? Кто вы, дѣвочки?“—спрашиваетъ онъ. А они отвѣчаютъ ему: „Это—Христова елка... И узналъ онъ, что мальчики эти и дѣвочки всѣ были все такіе же, какъ онъ, дѣти; но одни замерзли еще въ своихъ корзинахъ, въ которыхъ ихъ подкинули на лѣстницы, къ дверямъ петербургскихъ чиновниковъ, другіе задохлись у чухонокъ, отъ воспитательнаго дома на прокормленіи, третьи умерли у псохшей груди своихъ матерей во время голода, четвертые задохлись въ вагонахъ третьяго класса отъ

смерду; и всё-то они теперь здѣсь, всё они теперь, какъ ангелы, всё у Христа, и Онъ самъ посреди ихъ, и простираетъ къ нимъ руки, и благословляетъ ихъ и ихъ грѣшныхъ матерей... А матери этихъ дѣтей всё стоятъ тутъ же, въ сторонкѣ, и плачутъ; каждая узнаётъ своего мальчика или дѣвочку, а они подлетаютъ къ нимъ, и цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими руками, и упрашиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо“...

Намъ нечего прибавлять къ этому разсказу. Кто же можетъ утопить всё страданіе и особенно невинныя? Кто можетъ отереть эти дѣтскія слезы, простить этихъ грѣшныхъ матерей и всѣхъ успокоить? Не простой человекъ, который самъ нуждается въ утѣшеніи и прощеніи, а—Иисусъ Христосъ, какъ Богъ и Царь будущаго благодатнаго и радостнаго царства.

Священникъ *Сергій Соколовъ*.

Печатать дозволяется. Цензоръ Протоіерей А. Боголюбовъ.

№ 112. Рязань. Тип. Братства св. Василия. 1911.

О ПОДПИСКѢ въ 1911-мъ году на ежемѣсячный журналъ

„МИССИОНЕРСКІЙ СБОРНИКЪ“

издаваемый Рязанскимъ Епархіальнымъ Миссіонерскимъ Совѣтомъ
(XXI-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Миссіонерскій Сборникъ“ имѣетъ своею цѣлью служить интересамъ св. Церкви Христовой въ ея борьбѣ съ расколомъ старообрядчества, русскимъ сектанствомъ рационалистическаго и мистическаго направленій и магометанствомъ. Возвратить въ число членовъ св. Правосл. церкви и направить на правый путь заблудившихся чадъ ея—старообрядцевъ и сектантовъ, а равно и оживить, въ настоящее время оскудѣнія вѣры, въ сердцахъ людей вѣру Христову—вотъ цѣль и задача журнала „Миссіонерскій Сборникъ“. Послѣдній, объединяя лучшія рабочія силы по спеціальнымъ вопросамъ миссіи, стремится объединить и духовенство и всѣхъ ревнителей православія въ великомъ дѣлѣ защиты св. вѣры Христовой.

„Миссіонерскій Сборникъ“ въ 1911 году издается по программѣ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ

Отдѣлъ первый (официальный).

Отдѣлъ второй (литературный). Собесѣдованія и бесѣды съ сектантами и раскольниками, равно какъ слова и поученія, направленные противъ нихъ.—Научно-литературныя статьи и замѣтки по исторіи и обличенію сектантства и раскола.—Библиографическія замѣтки о книгахъ, журнальныхъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ миссіонерскому дѣлу и полезныхъ для мѣстныхъ миссіонеровъ и пастырей Церкви въ ихъ борьбѣ съ расколомъ, сектантствомъ и магометанствомъ.

Списки для миссіонерскихъ библиотекъ книгъ и брошюр.—Неизданные матеріалы для исторіи сектантства и раскола, а также и полемики съ ними.

Отдѣлъ третій (епархіальныя извѣстія). Свѣдѣнія о дѣятельности пастырей Церкви, миссіонеровъ и общихъ миссіонерскихъ учреждений Рязанской епархіи въ борьбѣ съ расколомъ, сектантствомъ и магометанствомъ.

Отдѣлъ четвертый (иноепархіальныя извѣстія). Распоряженія и дѣйствія въ иныхъ епархіяхъ по части противосектантской и противораскольнической миссіи, имѣющія практическій интересъ и полезныя для мѣстной Рязанской миссіи.—Сообщенія о выдающихся случаяхъ обращенія въ православіе изъ раскола, сектантства и магометанства (трудами миссіонеровъ или пастырей Церкви) и о выдающихся событіяхъ въ жизни раскола и сектантства внѣ Рязанской епархіи.

Такое содержаніе журнала было одѣнено и одобрено представителями миссіонерскаго дѣла на третьемъ Всероссійскомъ Съѣздѣ миссіонеровъ въ г. Казани (1897 г.) Съѣздъ рекомендовалъ „Миссіонерскій Сборникъ“ со всѣми его изданіями для выписки во всѣ противораскольническія благочинническія и противосектантскія церковно-приходскія библиотеки. А IV-й Всероссійскій Миссіонерскій Съѣздъ постановилъ рекомендовать журналъ „Миссіон. Сборникъ“ съ его изданіями *всѣмъ лицамъ, заинтересованнымъ въ дѣлѣ миссіи* (См. „Церк. Вѣд.“ № 36, 39 1908 г.; „Миссіон. Сбор.“ № 5, 1908 г.). Такимъ образомъ, журналъ „Миссіонерскій Сборникъ“, признанный двумя Съѣздами специалистовъ миссіонеровъ полезнымъ для дѣла православной внутренней миссіи, является самымъ доступнымъ по цѣнѣ (3 руб. за годовое изданіе съ

пересылкой) для православнаго приходскаго духовенства и всѣхъ труженниковъ святаго миссіонерскаго дѣла.

Кромѣ четырехъ отдѣловъ, въ программу журнала „Мис. Сборникъ“ въ 1911 г. будетъ включенъ, разрѣшенный Святѣйшимъ Синодомъ, особый отдѣлъ (пятый): „обзоръ періодической печати по вопросамъ миссіи и расколосектантства“.

Въ журналѣ примутъ участіе своимъ сотрудничествомъ въ 1911 году: Арх. Неофитъ (Слѣдниковъ), Еп. Сумск. Теодоръ, іером. Веніаминъ (проф. С. П. Д. А.); о. Дм. Александровъ, прот. П. И. Алфеевъ, о. С. Богдановичъ, Д. И. Боголюбовъ, И. Г. Водягинъ, о. Воловей, о. Гр. Дробинцевъ, о. А. Здравомысловъ, о. Е. Зубаревъ, М. А. Кальневъ, И. С. Козловъ, Л. З. Кунцевичъ, А. Куляшевъ, о. А. Львовъ, А. А. Никольскій, прот. Ст. Остроумовъ, Н. И. Остроумовъ, прот. Г. Полянскій, Д. И. Скворцовъ, Вс. Ф. Смирновъ, Н. В. Смирягинъ, И. П. Строевъ, о. Д. Холоповъ, Н. Ушаковъ, С. Д. Яхонтовъ, и др.

Въ 1911-мъ году Редакція, продолжая печатать имѣющее въ настоящее время животрѣпещущій интересъ „Критическое изслѣдованіе Толстовскаго Евангелія“ прот. П. И. Алфеева и статьи по расколосектантству лучшихъ представителей Правосл. миссіи, обратитъ особенное вниманіе на мистическое сектантство, быстро растущее теперь во всѣхъ слояхъ русскаго общества. При этомъ, заблужденія невѣрія и расколосектантства будутъ выясняться по преимуществу путемъ раскрытія положительной истины Евангелія и Православія.

„МИССІОНЕРСКІЙ СБОРНИКЪ“ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 5 печатныхъ листовъ дастъ

въ годъ подписчикамъ не менѣе **60** печатныхъ листовъ **Цѣна за годовое изданіе 3 рубля.**

Изъ отзывовъ о журналѣ печати:

1) „Я желалъ бы обратиться,—пишетъ миссіонеръ о. Д. Александровъ,—вниманіе духовенства на весьма цѣнный по своему содержанию, журналъ „Рязанскій Миссіонерскій Сборникъ“. Въ этомъ журналѣ вы найдете цѣнныя статьи и по расколу, и по сектантству, найдете отвѣтъ и на современные запросы невѣрія. Рекомендуемъ духовенству „Миссіонерскій Сборникъ“ противопоставить той литературѣ, которая наводняетъ нынѣ села и деревни и черезъ которую наши враги стараются подорвать вѣру въ простомъ народѣ“. (Тамб. Е. Вѣд. № 1 за 1909 г.).

2) „Съ полнымъ удовольствіемъ,—говоритъ Синодальный органъ „Црк. Вѣд.“, слѣдуетъ отмѣтить, что, не смотря на скромныя средства и силы Редакція „Миссіон. Сборника“ даетъ живой и интересный матеріалъ“, (1910 г. № 16—17).

3) „Редакція „Миссіон. Сборника“,—говоритъ тотъ же органъ,—продолжаетъ настойчиво будить мысль и совѣсть нашего рядового духовенства и призывать его къ живой пастырской дѣятельности“... (Тамъ же № 41, стр. 1757).

4) „Редакція ежемѣсячнаго журнала „Миссіон. Сборникъ“, издаваемого уже 20-й годъ Рязан. Епарх. Мис. Совѣтомъ,—говорятъ „Москов. Вѣдом.“—, скромно дѣлаетъ свое полезное дѣло и, издавая помимо журнала отдѣльныя общедоступныя брошюры по вопросамъ Церкви и вѣры, вноситъ свѣтъ истины въ темныя народныя массы“. (1910 г. да, № 246).

Адресъ: Рязань. Редакція „Миссіонерскаго Сборника“.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи, Н. Остроумовъ.

Цѣна 25 коп., съ пересылкой—30 коп.

Продается у автора, законоучителя Рязанской 1-ой гимназии,
и въ Книжномъ складѣ Братства Св. Василия (Г. Рязань, за
Успенскимъ соборомъ).

Того же автора и тамъ же продаются:

„Что сталося съ духовной школой, и какъ съ нею быть?“

Ц. 8 коп., съ перес. 10 коп.

„Прощеный день. Изъ воспоминаній дѣтства“.

Ц. 30 коп. съ перес.